

Иверскій списокъ среднегреческой Александрии.

Въ Аѳонскомъ Иверскомъ монастырѣ греческая рукопись № 162, XVII в., заключаетъ въ себѣ исторію Александра Македонскаго, ту исторію, которая является среднегреческой обработкой одной изъ редакцій Псевдокаллистена и которая послужила оригиналомъ для такъ называемой сербской Александрии. Акад. А. Н. Веселовскій въ приложеніи къ своему изслѣдованію объ источникахъ сербской Александрии издалъ греческую редакцію по списку Вѣнской Придв. Библ., cod. theol. CCXLIV (Нессель), но при этомъ неоднократно указывалъ на пропуски, иногда и значительные, этого текста. Кромѣ Вѣнскаго списка былъ извѣстенъ еще списокъ Флорентійскій, изъ котораго А. Н. Веселовскій издалъ одинъ отрывокъ въ *Archiv für slavische Philologie*, т. XI. Въ своемъ отчетѣ о заграничныхъ занятіяхъ я указалъ на существованіе Иверскаго (на Аѳонѣ) списка романа и привелъ изъ него одинъ отрывокъ. Иверскій списокъ важенъ въ томъ именно отношеніи, что не имѣетъ пропусковъ, которыми изобилуетъ списокъ Вѣнскій, а сравнительно съ Флорентійскимъ отличается большею выдержанностью правописанія, а также въ нѣкоторыхъ случаяхъ является полнѣе его, что особенно важно при сравненіи съ сербскимъ текстомъ.

Начинается Иверскій списокъ заглавіемъ — Βίος Ἀλεξάνδρου τοῦ βασιλέως Μακεδονίας ἀπὸ τὴν ἀρχὴν τῆς γεννήσεως αὐτοῦ καὶ ἕως τῆς ζωῆς αὐτοῦ καὶ αἱ ἀνδραγαθίαι του καὶ οἱ πόλεμοι ὅπου ἐποίησεν μὲ τοὺς βασιλεῖς καὶ πῶς αὐτοὺς ἐνίκησεν. Этого заглавія нѣтъ въ сп. Вѣнскомъ, въ Флорент. же только — Διήγησις πανεξαιρέτος περὶ τοῦ θαυμαστοῦ βασιλέως Ἀλεξάνδρου. Вслѣдъ за этимъ идетъ другое заглавіе, что и въ Вѣнскомъ — Ἡ γέννησις καὶ ἡ ζωὴ τοῦ βασιλέως Μακεδονίας καὶ τὸ πῶς ἐγεννήθη . . . и т. д. Наша исторія сходится съ Вѣнскимъ

сп., отличаясь кое-гдѣ незначительными вариантами. Не отмѣчая неважныхъ отступленій отъ Вѣнскаго текста, столь обычныхъ въ новогреческихъ текстахъ, я отмѣчу только важнѣйшія, дѣлая указанія на изданный Вѣнскій списокъ.

I. Вѣн. стр. 8 (по изданію Веселовскаго). Рѣчь идетъ объ обученіи Александра у Аристотеля и Нектянава. А. Н. Веселовскій замѣтилъ, что мы не знаемъ, что отвѣчало въ Вѣнскомъ сп. «вергилійской мудрости» славянскаго текста. Въ Иверскомъ сп. нѣтъ, правда, виргиліевой мудрости, но содержаніе все таки вполне соотвѣтствуетъ славянскому переводу. Послѣ привѣтствія Филиппа Александру, рассказъ таковъ: *Καὶ ὤρισεν καὶ τοὺς ἄρχοντάς του καὶ τοὺς στρατιώτας του νὰ χαίρωνται εἰς τὴν γέννησιν τοῦ παιδίου καὶ ὅλοι ἐχαίρουνταν καὶ εὐφραίνονταν εἰς πολλὰς ἡμέρας. Ὅταν οὖν ἐξῆσεν ὁ Ἀλέξανδρος, ὤρισεν ὁ βασιλεὺς καὶ τοῦ ἔφεραν τὸν Ἀριστοτέλην καὶ εἶπέν του· «δίδω σου τὸν υἱόν μου τὸν Ἀλέξανδρον νὰ τὸν μάθῃς τὰ γράμματα καὶ πᾶσαν σοφίαν ὅπου ἤξεύρεις». καὶ ἔλαβεν ὁ Ἀριστοτέλης τὸν Ἀλέξανδρον καὶ ἔβαλέν τον νὰ μανθάνῃ. ὁ δὲ Ἀλέξανδρος διὰ ἕνα χρόνον ἔμαθεν τὴν τέχνην τῆς Ὀλυμπιάδος καὶ τὸν Ὅμηρον καὶ τὴν ψαλτικὴν, ὥστε τὰ παιδιά τοῦ σχολείου τὸν ἐζήλευσαν ὅλοι πολλὰ. καὶ εἶπεν ὁ Ἀλέξανδρος τῆς μάνας του· «εἰάν θέλῃς νὰ μὲ μάθῃς τὴν τέχνην τῶν Αἰγυπτίων τὴν ἰδιομετρίαν καὶ τὴν ἀστρονομίαν καὶ τοῦ οὐρανοῦ τοὺς πλανήτας καὶ τὰ ζῶδια, παραδός με εἰς τὸν Νεκτανεβὸν τὸν Αἰγύπτιον, ὅτι ἤκουσα, πῶς εἶναι δυνατὸς τεχνίτης τοῦ οὐρανοῦ καὶ τὰ περιερχόμενα ἤξεύρει». ἔστειλε δὲ ἡ βασίλισσα καὶ τὸν ἔφερεν καὶ λέγει του· «παραδίδω σου τὸν Ἀλέξανδρον νὰ τὸν μάθῃς τὴν τέχνην σου ὅλην, ἔπαρε τὸν ἐδικόν σου καὶ ἐδικόν μου, ὅπου μᾶς τὸν ἔδωσεν ὁ θεός». ἐπῆρε δὲ ὁ Νεκτεναβὸς τὸν Ἀλέξανδρον νὰ τὸν μάθῃ. καὶ ὁ Φίλιππος ὡσὰν τὸ ἤκουσεν, εἶπεν· «ἐπειδὴ γυρεύει τοῦ οὐρανοῦ τὴν μάθησιν καὶ τὰ τρεχόμενα τῶν ἀστέρων, ἀληθινὰ εἶναι ἀπὸ τὸν οὐρανὸν δώρημα εἰς ἐμένα ἄρχοντες. ὁ Νεκτεναβὸς ἔμαθεν τὸν Ἀλέξανδρον τὴν φρόνησιν τῶν Αἰγυπτίων καὶ τὴν τέχνην τῆς ἰδιομετρίας. Послѣднее и соотвѣтствуетъ слав. «Нех'тенавъ же наоучи ꙗго в'сои ꙗгуп'тської хытрости и вер'лигійской» (Новак. 11). Подробнѣе Вѣнскаго и примѣнительно къ сербскому тексту передается въ Иверскомъ описаніе дѣтскихъ воинскихъ игръ Александра. Является Птоломей, предводитель противной стороны; инициатива игры идетъ отъ Аристотеля: ὁ Ἀριστοτέλης ἐποίησεν οὕτως· ἐμάνθανε παιδιά ἕως τετρακόσια ὅλα συνομήλικα τοῦ Ἀλεξάνδρου . . . = «въ ꙗдинь же отъ дѣтѣи Аристотель оучитель ꙗго. р. дѣтѣи събра соуврѣстныхъ Александрѣ». . . (Новак. 11), тогда*

какъ въ Вѣнскомъ ὁ βασιλεὺς ἔμαθεν παιδία καὶ ἐπαρέδωκέ τα τοῦ Ἀλεξάνδρου.

II. Эпизодъ съ Анаксархомъ, пропущенный въ Вѣн. и кратко переданный въ греческой народной книгѣ (Весел. 15), въ Ивер. переданъ подробно, при чемъ Анаксархъ называется царемъ τῆς Πολωνίας = τῆς Πελαγονίας. Рассказъ таковъ: Ὁ Ἀνάξαρχος ὁ βασιλεὺς τῆς Πολωνίας ἤκουσεν, ὅτι οἱ Κουμάνοι ἐπέρασαν καὶ ἔρχονται εἰς τὴν Μακεδονίαν, ἔχαμεν οὖν μίαν πονηρὰν βουλήν. Подробность является въ упоминаніи, какъ Филиппъ когда-то принималъ и угощалъ Анаксарха: ὡς θέλετε ἀκούσῃ, διὰ τί κάποτε ἤρχετο αὐτὸς ὁ Ἀνάξαρχος ἀπὸ τὴν Персіαν μὲ τὰ φουσάτα του, ὅτι ἦτον ὑπόδουλος εἰς τὸν Δάρειον τὸν βασιλέα καὶ πᾶσα χρόνον ὑπήγαιεν εἰς τὴν βοήθειάν του μὲ τὰ φουσάτα του, καὶ ἐρχόμενος ἐπέρασεν ἀπὸ τὴν Μακεδονίαν. καὶ ὡσάν τὸ ἔμαθεν ὁ Φίλιππος ὁ βασιλεὺς ἐξέβη καὶ τὸν ἐπροὔπαντησεν μὲ μεγάλην τιμὴν καὶ τὸν ἔφερεν εἰς τὰ παλάτιά του καὶ δῶρα πολλὰ τοῦ ἔδωσεν. Далѣе рассказъ соотвѣтствуетъ сербскому тексту.

III. Рассказъ о посольствѣ Даріемъ Кандарха къ Александру имѣеть свои нѣкоторыя особенности. Когда Καταρχούσης прибылъ къ двору Александра, то былъ встрѣченъ Πτοломеемъ, который доложилъ объ его приходѣ Александру, καὶ ὁ Ἀλέξανδρος, ὡς τὸ ἤκουσεν, ἐκάθησεν εἰς τὸν θρόνον τὸν βασιλικόν καὶ εἶπεν τοῦ Ἀντιόχου νὰ τὸν φέρῃ, ὅτι ἦτον πρωτοστάτορας τοῦ Ἀλεξάνδρου. Тогда то Антиохъ заставляеть Кандарха поклониться копью Александра. Описанія вида Александра, сидящаго на тронѣ, въ Ивер. сп. нѣтъ, но взаи́мнъ этого Кандархъ говоритъ: ὁ βασιλεὺς ὁ Δάρειος μὲ ἔστειλεν ἐδῶ νὰ βασιλεύω καὶ ἐγὼ ἦλθα καὶ μέλλει νὰ χάσω καὶ τὴν ζωὴν μου. ἀμή, ὡς βλέπω, ἄξιος εἶναι ὁ Ἀλέξανδρος νὰ βασιλεύῃ. Отвѣтъ Александра отличается большими подробностями сравнительно съ Вѣн. и сербскимъ: δὲν ἔπρεπε τὸν βασιλέα τὸν Δάρειον μὴ βλέποντας κεφάλι νὰ συμβουλευέται ποδάρια. δὲν εἶναι ἡ Μακεδονία αὐτοκέφαλη, ὡσάν φαντάζεται ὁ βασιλεὺς Δάρειος, οὐδὲ εἶναι ὁ βασιλεὺς τῆς ὡσάν τοῦ φαίνεται, ὅμως σώνει τον νὰ βασιλεύῃ εἰς τὴν Персіαν καὶ ἀπὸ τὴν Μακεδονίαν ἄς λείπη, ὅτι ἡ Μακεδονία καλὸν βασιλέα ἔχει καὶ καλοὺς μεγιστάνους, καὶ ἄς μὴν ἔχη ἔννοιαν διὰ τὸ βασιλείον τῆς Μακεδονίας.

IV. Когда Кандархъ принесъ отвѣтъ Александра Дарію, послѣдній только разсмѣялся. Кандархъ уговариваетъ его не пренебрегать Александромъ и рассказалъ, какое впечатлѣніе произвелъ на него Александръ, καὶ ὁ Δάρειος οὐδέποτε ἐπίστευσεν τοὺς λόγους τοῦ Καταρχ-

κούση. Такъ передаетъ Вѣнскій сп. и сербскій текстъ. Иверскій продолжаетъ рѣчь Дарія къ Кандарху: ἀμὴ τὸν ὠνείδισε πολλὰ καὶ τὸν εἶπεν· «διὰ τί δὲν ἦσουν ἄξιός νὰ βασιλεύης, τὰ λέγεις αὐτὰ τὰ λόγια; ποῖος βασιλεὺς ἤμπορεῖ νὰ πολεμήσῃ μετ' ἐμένα; πολλοὶ βασιλεῖς μεγάλοι μὲ ἔχουν διὰ βασιλέα τους καὶ μὲ προσκυνοῦν, καὶ δῶρα καὶ φουσάτα μοῦ δίδουν, καὶ εἶναι εἰς τὴν προσταγὴν μου. καὶ ἐσὺ μὲ λέγεις διὰ τὸν Ἀλέξανδρον, ὅτι εἶναι ἄξιός διὰ βασιλεῖς, καὶ πῶς ἔχει ἡ Μακεδονία μεγιστάνους καὶ δύναμιν πολλήν. ἐσὺ ἀπὸ τὸν φόβον σου τὰ λέγεις αὐτὰ τὰ λόγια, ἀμὴ ὡσάν τὴν Μακεδονίαν οὐδὲ εἰς τὸν νοῦν μου ἔρχονται. Точно также и далѣе, Дарій, отправляя къ Александру другого посла съ ковчегцемъ, говоритъ ему въ напутствіе нѣсколько словъ, которыхъ нѣтъ ни въ Вѣнск. сп. ни въ сербскомъ переводѣ, а именно: σύρε εἰς τὴν Μακεδονίαν πρὸς τὸν δούλον μας τὸν Ἀλέξανδρον τοῦ Φιλίππου τὸν υἱὸν νὰ γνωρίζῃς τὸν νοῦν του καὶ τὴν φρόνησίν του, ὅπου μοῦ λέγουν, ὅτι δὲν φαίνεται καλὸν νὰ ἀκούω πῶς εἶναι ἄξιός διὰ βασιλεύς. Вообще, мы видимъ въ Ивер. сп. стремленіе представить Дарія какъ можно высокомернѣе. Съ этою цѣлью особенно распространяются рѣчи и письма Дарія. Такъ распространено настоящее письмо Дарія. Въ Вѣн. сп. Дарій только даетъ объясненіе посылаемыхъ вещей; онъ посылаетъ ему τὰ σακκία τὸν σιναπόσπορον, ἂν ἤμπορεῖς νὰ τὰ μετρήσῃς νὰ τὸ ἠξεύρῃς, τόσον φουσάτον ἔχω ἀρίθμητον. Въ Ивер. же списокѣ онъ говоритъ: καὶ στέλλω σου καὶ σακκία δύο γεμάτα σιναπόσπορον νὰ τὰ χύσῃς ἐμπρὸς εἰς τὸν λαὸν ὅλον τῆς Μακεδονίας νὰ τὸν μετρήσῃς, καὶ ἐὰν ἤμπορεῖς νὰ τὸν μετρήσῃς, ἔτζι θέλεις μετρήσῃ καὶ τὰ φουσάτα μου; ἀμὴ ἐσὺ ὡς παιδί, ὅπου εἶσαι, θέλεις νὰ χαθῆς καὶ νὰ χάσῃς καὶ τοὺς Μακεδόνας ὅλους. καὶ ὅτι ἡ γῆ καὶ ὁ κόσμος τρομάσει με ἀπὸ τὸν φόβον, καὶ εἶμαι θεὸς ἐπίγειος τῆς Περσίας καὶ ἐσὺ θέλεις νὰ ἀντισταθῆς, ἀμὴ λυπήσου τὴν νεότητά σου, καὶ στείλῃ μου τὸ χαράτζι σου καὶ τὸ φουσάτον σου εἰς δούλευσιν. Съ другой стороны, увеличивается могущество Александра и великолѣпіе его двора. Въ виду этого, вставляются нѣкоторые частнаго характера эпизоды. Такъ въ данномъ случаѣ введено изумленіе посланнаго Клитевуса, который, увидавъ великолѣпіе дворца и военную силу Александра, сильно изумился (ὁ νοῦς του ἐπήρθη) καὶ ἔλεγεу κατὰ νοῦν· ἀλήθεια εἶναι ἐκεῖνα ὅπου ἔλεγεу ὁ Καταρχούσης εἰς τὸν Δάριον.

V. Дружественныя сношенія Александра съ Архидономъ, царемъ Солунскимъ, распространены; хотя распространеніе не даетъ новыхъ эпизодовъ, но оно совершенно естественно, такъ какъ раз-

сказываетъ объ исполненіи Архидономъ просьбы Александра. Александръ проситъ прислать ему ἰβ̄ χιλιάδες διὰ βοήθειαν и πᾶσα χρόνον τάλαντα τριακόσια (въ Вѣн. только — δώδεκα χιλιάδες); Ивер. сп. продолжаетъ: πέρνω και τὸν υἱόν σου εἰς ἀδελφόν μου και ἡγαπημένον μου πολλά νὰ τὸν ἔχω εἰς βουλὴν ὡς διὰ τοῦ λόγου σου και διὰ τὴν ἀγάπην σου. αὐτὰ εἶπεν ὁ Ἀλέξανδρος και ἔστειλεν τὴν ἐπιστολὴν μὲ τοὺς ἀνδρῶνους τῆς Θεσσαλονίκης. ὅταν οὖν εἶδεν ὁ βασιλεὺς τῆς Θεσσαλονίκης τὴν ἐπιστολὴν τοῦ Ἀλεξάνδρου, ἐχάρη πολλά και ἐπὶ τὴν αὔριον ἠτοίμασεν φουσατόν ἰβ̄ χιλιάδες και ἔστειλεν τοῦ Ἀλεξάνδρου και ἕναν μεγιστάνον εὐγενικόν και πολλά φρόνιμον και εἶπε νὰ στέλλη και κάθε χρόνον τριακόσια τάλαντα.

VI. Когда Александръ приближался къ Аѳинамъ, то граждане собрались на совѣщаніе и постановили — ὅτι τὸν Ἀλέξανδρον νὰ μηδὲν τὸν δεκτοῦμεν εἰς τὸ κάστρο μας. Это краткое рѣшеніе въ Ивер. сп. мотивируется сознаниемъ своей гордости и силы, при чемъ авторъ предварительно сказалъ, что городъ εἶχε και στράτευμα πολύ, ὅπου ἄλλα κάστρα δὲν τὸ εἶχαν, και μεγιστάνους φρονίμους και ἀνδρειωμένους. Соотвѣтственно этому сдѣлано и распространеніе совѣщанія: ἐσυμβουλευθήσαν, ὅτι νὰ μὴν δεχθοῦν τὸν Ἀλέξανδρον εἰς τὸ κάστρον τους μηδὲ βασιλέα νὰ τὸν ὀνομάσουν τὸν υἱόν τοῦ Φιλίππου. πολλοὶ μεγάλοι βασιλεῖς τὴν Ἀθῆνα δὲν τὴν ὤρισαν και ὡσὰν αὐτὸ τὸ παραμικρὸν βασιλειον ἦλθεν ἐπάνω τῆς μεγάλης Ἀθῆνας νὰ τὴν ὀρίση, ὅπου ὅλη ἡ γῆ τὴν ἔχει περίφημον και πολλοὶ βασιλεῖς τὴν ἐπολέμησαν ἀμὴ ἀπρακτοὶ ἐγύρισαν.— Тенденція здѣсь та же — увеличить славу Александра. Источникъ распространенія — рѣчи философовъ на совѣщаніи. — Когда же Александръ взялъ Аѳины, но другіе города пришли въ ужасъ и не знали, что имъ дѣлать; Ἀλέξανδρος εἶπεν· τὸ κεφάλιν ἂν οὐδὲν τὸ τζακίσης, τὸν ὀμουαλὸν οὐδὲν ἡμπορεῖς νὰ τὸν φάγης (Весел., 29) = «главоу не разбивь, не можь мозга испити» (Новак., 32). Иначе передано это въ Иверскомъ. Города, узнавъ, что сдѣлалъ Александръ съ Аѳинами, ἐθρήνησαν πικρῶς και ἐξενίζονταν και ἔλεγαν· «πόσοι βασιλεῖς μεγάλοι τὴν ἐπολέμησαν και δὲν τὴν ἐπῆραν, και αὐτός ὁ μικρότερος τὴν ἐπῆρεν και τὴν ἐχάλασεν, και ἐπειδὴ ἐπὶ τέτοιον κάστρον μέγα και περίφημον, θέλει ἔλθῃ και εἰς ἡμᾶς, ὅτι αὐτός, ὡς βλέπομεν, ἐκ θεοῦ εἶναι. και ἄς μὴν τὸν ἀντισταθοῦμεν, νὰ μὴν πάθωμεν τὰ ὅμοια τῆς Ἀθῆνας». Александръ отвѣчаетъ на это другой, хотя и того же смысла, пословицей: τὸ μελίσι ἐὰν δὲν τὸ τρυγήσουν, τὸ μέλι του δὲν τὸ τρώγουν. Когда же Александръ двинулся къ Риму, «тогда срѣтоше нго царь тракіиский

и поул'скыи и дамал'скыи и готъ'скыи и тривал'скыи, и принесоме нѣмоу дари многи без'числьныи стѣми царьскыи многоцѣнныи и даани въ. мѣ. лѣтомъ, и имень царьскыихъ лишишесе, сатрапамъ повелѣ зватися имъ» (Новак. 32). Это короткое сообщеніе, соотвѣтствующее Вѣн. списку, въ Ивер. расширено нѣкоторыми подробностями: Ἀλέξανδρος ὁ βασιλεύς, ὡσάν ἐπῆρεν τὴν Ἀθῆνα καὶ τὴν ἐχάλασεν καὶ τὴν ἔκαυσεν, ἐλυπήθη πολλὰ καὶ ὤρισεν καὶ ἐδιαλάλησεν, ὅτι νὰ εἶναι πᾶς ἓνας εἰς τὸν τόπον του καὶ εἰς τὴν τάξιν του, καθὼς ἦτον καὶ πρῶτα. καὶ τότε ἦλθαν ὄλα τὰ φουσάτα τῆς Ἀθῆνας καὶ τὸν ἐπροσκύνησαν καὶ τὸν εὐφῆμισαν ὡς βασιλέα τους. καὶ αὐτὸς τοὺς ἔβαλεν καθ' ἓνα εἰς τὴν τάξιν του, καὶ ἀπ' ἐκεῖ ἐσηκώθη καὶ ὑπάγει πρὸς τὴν Ῥώμην μὲ τετραχόσιες χιλιάδες φουσάτου.

VII. Весел. стр. 33. Когда Александръ побывалъ въ пустынныхъ мѣстахъ, то поставилъ во главѣ войска Птоломея и Филона и сказалъ имъ: ὁπόθεν διαβῆτε, κάστρη ἐπαίρνετε καὶ νὰ σᾶς τελοῦν φουσάτον καὶ λιζάτον νὰ ἐπαίρνετε. Ивер. сп. распространяетъ эти слова Александра: ὄσα κάστρη θέλετε περάσῃ νὰ σᾶς προσκυνήσουν καὶ νὰ παίρνετε καὶ χαράτσι καὶ φουσάτα καλὰ καὶ ὄποιον ἀντισταθῆ εἰς πόλεμον νὰ μὴν ἐβγῆτε ἀπ' ἐκεῖ ἔως οὖν νὰ τὸ πάρετε ἢ νὰ χαθῆτε ἐκεῖ ὄλοι καὶ τὸ κάστρον νὰ τὸ καίετε καὶ τοὺς ἀνθρώπους δεμένους νὰ τοὺς φέρετε.

VIII. Весел. стр. 37 — 38. Въ Вѣн. сп. и сербскомъ переводѣ Александръ изъ Трои возвращается въ Македонію, откуда опять устремляется на востокъ, и тогда Дарій шлетъ второе посланіе Александру. Этихъ подробностей нѣтъ въ редакціяхъ Псевдокаллисфена, нѣтъ и въ Иверскомъ спискѣ. Слѣд. Иверскій сп. представляетъ въ данномъ случаѣ болѣе древній видъ. Троянскій эпизодъ въ Ивер. сп. оканчивается сказаніемъ, какъ Александру показали книгу Гомера и какъ онъ узналъ изъ нея о войнѣ троянъ съ греками, а далѣе продолжается: καὶ ὄντος τοῦ Ἀλεξάνδρου ἐν τῇ Τρωάδι ἐμαθέν το ὁ Δάρειος ὁ βασιλεύς τῆς Περσίας, πῶς ὑπάγει καταπάνω του καὶ ἔστειλεν καταπατητάδες νὰ τὸν πιάσουν. καὶ ὁ Ἀλέξανδρος ἐπίασεν αὐτοὺς καὶ ἔστειλέν τους ὄπίσω μὲ γραφήν. Съ своей стороны, Ивер. сп. является въ данномъ случаѣ въ сокращенномъ видѣ: нѣтъ самого письма Дарія.

IX. Египетскій эпизодъ (Новак. 50—54) въ Вѣн. текстѣ пропущенъ; ср. Веселов. стр. 235 и слѣд. Въ Ивер. спискѣ этого пропуска нѣтъ. Въ отличіе отъ греческой народной книги (см. Весел. 237), въ Ивер. сп. одинаково съ славянскимъ переводомъ египтяне пишутъ Александру доносъ на врача Филиппа тогда, когда получили отъ по-

слѣдняго отвѣтъ на ихъ предложеніе уморить Александра; также вмѣстѣ съ переводомъ Ивер. сп. говорить, что Филиппъ, получивъ отъ египтянъ письмо, разорвалъ его. Но содержаніе писемъ въ Ивер. сп. подробнѣе, чѣмъ въ переводѣ. Письмо къ Филиппу состоитъ изъ двухъ-трехъ строкъ: «Великыи врачу Филипе, аште Александра скров'ними билиами оумориши врачб'ними, ты в'семоу Iегу'тоу царь боудеши». Въ Ивер. сп. — Τὸν μέγαν ἰατρὸν τοῦ Ἀλεξάνδρου καὶ σοφὸν Φίλιππον προσκυνοῦμεν καὶ λέγομεν τὴν αὐθεντίαν σου, ὅτι ἐὰν μὲ τὰ βοτανικά σου θανατώσης τὸν Ἀλέξανδρον, ἐσένα νὰ ἔχωμεν αὐθέντην ὅλοι οἱ Αἰγύπτιοι, καὶ νὰ ἔχῃς τιμὲς πολλὰς ἀπὸ τὸν Δάρειον τὸν βασιλέα. Съ другой стороны, довольно обширная рѣчь Филиппа, когда Александръ показалъ ему письмо египтянъ, сильно сокращена — ἐὰν ἐγὼ ἤθελα χαλάσῃ τοῦ αὐθεντός μου τὸ κεφάλι, ἀμὴ τοίου βασιλέως ἤθελα φανῆ ἔμπιστευμένος; — Когда египтяне увидѣли силу Александра, то возопили: «помилоуй насъ, царю Алексе'дре, цара нашего Нехтенава сыне, въчера бо отъ насъ ошьль кси, и пакы младъ къ намъ пришель ксп». Александръ велѣлъ прекратить битву и спросилъ египтянъ, «како старъ отъ васъ отидохъ и како къ вамъ младъ прїидохъ» (Новак. 52); Ивер. сп. рассказываетъ нѣсколько иначе; такой замысловатости въ восклицаніи египтянъ нѣтъ: «λυτήσου μας, βασιλεῦ Ἀλέξανδρε, καὶ τοπικὲ μας αὐθέντα, υἱὲ τοῦ βασιλέως Νεκτεναβοῦ». καὶ ὡσὰν ἤκουσεν αὐτὰ τὰ λόγια ὁ βασιλεύς, ὤρισεν καὶ ἔπαυσαν τὸν πόλεμον, καὶ ἐσέβη εἰς τὸ κάστρον καβαλάρης, ἔπειτα ἐκάθησεν εἰς τὸν θρόνον τὸν βασιλικόν, καὶ ἦλθον τῆς Αἰγύπτου οἱ μεγιστάνοι καὶ οἱ ἄρχοντες καὶ τὸν ἐπροσκύνησαν ὡς βασιλέα τοὺς καὶ τὸν εὐφήμεσαν. καὶ ὁ Ἀλέξανδρος τοὺς ἐρώτησεν «πῶς μὲ εἶπετε, ὅτι εἶμαι υἱὸς τοῦ ἐδικοῦ σας βασιλέως Νεκτεναβοῦ; δείξετέ μου τὴν ἀλήθειαν». Египтяне тогда рассказываютъ Александру о бѣгствѣ Нектанеба. Письмо Нектанеба нѣсколько подробнѣе славянскаго перевода: ἐγὼ δὲν δύνομαι νὰ πολεμήσω μὲ τὸν Δάρειον τὸν βασιλέα τῆς Περσίας, καὶ ὑπάγω ἀπὸ ἐσᾶς, γέροντες καὶ μεγιστάνοι τῆς Αἰγύπτου, καὶ νὰ ἱστορίσετε τὸ πρόσωπόν μου εἰς τὸν στύλον ὁποῦ εἶναι εἰς τὴν μέσσην τῆς Αἰγύπτου καὶ βάλετε εἰς τὸ κεφάλι τῆς ἱστορίας τὸ στεφάνι μου. καὶ ὅποιος ἔλθῃ νὰ σταθῇ σιμὰ εἰς τὸν στύλον καὶ πέσῃ τὸ κεφάλι του ἀποκάτω τοῦ στύλου καὶ ἔλθῃ τὸ στεφάνι εἰς τὸ κεφάλι του, αὐτὸν νὰ προσκυνήσετε διὰ βασιλέα σας, ὅτι εἶναι υἱὸς μου; срав. славянский переводъ: «Отъ васъ отхождоу старъ, и пакъ прїидоу къ вамъ младъ и сикови белегъ боудеть монго пришьствия: кгда къ образу монмоу прїидоу и поклонюсе кмоу, кже на стльпѣ стоять срѣдь града Iегу'та,

ствуеть: κάλλιον ὁ τιμημένος θάνατος παρά τὴν ζωὴν τὴν ἄτιμον καὶ σκλαβωμένην. ἀμὴν νὰ ἡξεύρετε, ὅτι ὀγλήγωρα θέλομεν τοὺς νικήσει, ὅτι ὁ βασιλεύς τοὺς δὲν εἶναι μαζί τοὺς καὶ τὸ φουσάτον εἶναι πάντοτε ἀκέφαλον, ἄλλο δὲ αὐτοὶ οἱ Πέρσαι εἶναι ὡσάν γυναῖκες στολισμένες εἰς τὸν πόλεμον, καὶ ἡμεῖς ἡμεσθεν ὡσάν οἱ λύκοι. Греческій текстъ не совпадаетъ буквально съ славянскимъ, но этого и не должно требовать, когда мы имѣемъ дѣло съ среднегреческими памятниками, относительно которыхъ переписчики вообще мало стѣснялись. — Битва Александра съ Даріемъ представлена различно въ всѣхъ трехъ источникахъ. Первая битва въ Ивер. описана съ большими подробностями сравнительно съ славян. и Вѣн.: Когда Александръ разбилъ войско Дарія, онъ говоритъ—нужно разумѣть, взятымъ въ плѣнъ и отпущеннымъ: εἶπέ τοῦ Δαρείου τοῦ βασιλέως ὅτι ἐσχότῳσα τὸν μέγαν τὸν βοηβόντα του τὸν Μίμαντον καὶ δίδε φουσάτο καὶ λιζάτο καὶ ἔχε τὸν τόπον τῆς Περσίας— Весел. 48. Нѣтъ рѣчи о заботахъ Александра объ убитыхъ и раненыхъ, о чемъ упоминаетъ славянскій переводъ, и подробнѣе послѣдняго — Ивер.: καὶ ἔθαψαν τοὺς νεκροὺς καὶ τοὺς ζωντανοὺς ὥρισεν καὶ τοὺς ἀπόλυσεν καὶ εἶπέν τοὺς: νὰ συντύχετε τὸν βασιλέα σας τὸν Δάρειον, σώνει τον ἢ αὐθεντία τῶν Περσῶν, μόνον ἄς μοῦ δώση χαράτσι καὶ φουσάτον καὶ ἄς βασιλεύη εἰς τὸν τόπον του. Сказавъ это, Александръ переходитъ чрезъ Евфратъ, и здѣсь тексты различаются. Славянскій переводъ говоритъ, что Дарій приказалъ собраться войску въ Вавилонѣ, а Александръ, увидя своихъ воиновъ оробѣвшими, говоритъ имъ возбуждающую рѣчь. Въ ту же ночь явился во снѣ Александру пророкъ Іеремія и обнадежилъ его обѣщаніемъ помощи Бога Саваофа. Тогда Александръ началъ битву съ персами и побѣдилъ ихъ и прибылъ въ Вавилонъ. Въ Вѣн. сп. тотчасъ послѣ вышеприведенныхъ словъ Александра слѣдуетъ явленіе въ снѣ ему пророка Іереміи, а затѣмъ и битва съ персами. Въ Ивер. же послѣ извѣстія о переходѣ чрезъ Евфратъ продолжается такъ: καὶ ὅταν ἐπέρασεν, ὥρισεν καὶ ἐχάλασαν ὅλα τὰ γεφύρια τοῦ ποταμοῦ, καὶ οἱ Μακεδόνες ἐχολομάνησαν πῶς τὰ ἐχάλασαν. ὁ Ἀλέξανδρος εἶπεν: «ὦ ἀνδρειωμένοι μου στρατιῶται καὶ ἄρχοντες Μακεδοναῖοι, διὰ τί χολομανεῖτε περὶ τὰ γεφύρια; ἡμᾶς δὲν ἔδωσεν ὁ θεὸς νὰ φεύγωμεν, μόνον νὰ διώχνωμεν καὶ νὰ νικοῦμεν, ὅμως τὰ γεφύρια τὰ ἐχάλασα διὰ νὰ μὴν ἔχετε ἔννοιαν ὀπίσω, μόνον νὰ πολεμᾶτε μετὰ τὴν καρδίαν σας, ὅτι ἐδῶ ὅπου ἐπεράσαμεν, δὲν εἴμεσθεν πλέον διὰ τὰ ὀπίσω, μόνον νὰ πολεμήσωμεν ἢ νὰ τοὺς νικήσωμεν ἢ νὰ μᾶς νικήσουν, ἢ νὰ ζήσωμεν ἢ νὰ ἀποθάνωμεν. Сожженіе моста упоминается и у Псевдокаллис-

фена. Слѣдуетъ другая битва македонянъ съ персами, но рѣчи славянскаго перевода и явленія въ снѣ пр. Іереміи нѣтъ.

Х. Нов. 58, Весел. 50. Описанія взятія Вавилона въ слав. и Ивер. сходятся, отличаясь отъ описанія Вѣн. списка. Въ послѣднемъ Вавилоняне сдаются тотчасъ по прибытіи Александра: *καὶ ὁ Ἀλέξανδρος ἦλθεν μετὰ τὰ φουσάτα του εἰς τὴν Βαβυλῶνα. καὶ ὡς ἤκουσαν οἱ Βαβυλώνιοι, μικροὶ τε καὶ μεγάλοι, ἦλθαν καὶ τὸν ἐπροσκύνησαν καὶ οὕτως τὸν ἐφούμισαν τὸν Ἀλέξανδρον μεγάλη φωνῇ βασιλέα τῶν βασιλέων καὶ τῆς οἰκουμένης ὅλης, πολλὰ τὰ ἔτη τὴν βασιλείαν σου. καὶ ἤφεράν του προσκυνήματα, δῶρα πολλὰ πανθαύμαστα...* Въ славянскомъ переводѣ взятіе Вавилона передается съ подробностями: Вавилонъ былъ окруженъ рѣкою Евфратомъ, такъ что нельзя было подойти на сто поприщъ. Александръ велѣлъ отвести воду и въ одну ночь, когда Вавилоняне творили праздникъ Аполлону, вошелъ по свободному руслу рѣки въ городъ и зажегъ его. Вавилоняне обратились къ нему съ просьбой о пощадѣ, и Александръ велѣлъ погасить пожаръ. Вавилоняне вынесли ему подарки. Соответственно этому и въ Ивер. передается такимъ образомъ. *Ὁ Ἀλέξανδρος νικῶντας τὸν Δάρειον, ἐπῆρεν καὶ εἰς τὴν Βαβυλῶνα κοντά, καὶ οἱ ἄνθρωποι τοῦ κάστρου δὲν τὸν ἄφησαν νὰ σιμώσῃ κοντά, ἀλλὰ ἕως ρ' μίλια ἀλάργα ἀπὸ τὸ κάστρον· ὁ Εὐφράτης ποταμὸς ἔτρεχε τριγύρω τοῦ κάστρου καὶ ἐσέβαιναν μέσα, καὶ ὁ Ἀλέξανδρος ἐπῆγεν μετὰ τὰ φουσάτα του καὶ ἔπεσεν ἐπάνωθεν τοῦ κάστρου, καὶ ὠρισεν καὶ ἔσκαψαν αὐλάκια ἀνάμεσα τοῦ φουσαίου, καὶ σιμὰ εἰς τὸ ποτάμι ἔσκαψαν ἕνα αὐλάκι πολλὰ βαθύ καὶ τὸ ἔκαψαν μετὰ μεγάλες τέχνες ὅπου ἐθαύμαζεν κάθε ἄνθρωπος. μίαν γοῦν τῶν ἡμερῶν εἶχαν ἑορτὴν μεγάλην οἱ Βαβυλώνιοι ὅπου ἐώρταζαν τὸν θεόν τους τὸν Ἀπόλλωνα καὶ ἦσαν ὅλοι μαζωμένοι εἰς τὸν βωμόν τους. καὶ τὴν νύκτα ἐκείνην ἦλθεν ὁ Ἀλέξανδρος μετὰ τοῦ φουσαίου του καὶ ἐγύρισεν τὸν ποταμὸν ἀπὸ τὸ κάστρον καὶ ἔβαλέν τον εἰς τὰ αὐλάκια ὅπου εἶχε σκαμμένα, καὶ ἐπῆρεν τὸν κάμπον ὁ ποταμὸς καὶ τότε ἐσέβη τὸ φουσαίον τοῦ Ἀλεξάνδρου εἰς τὸ κάστρον τῆς Βαβυλωνίας ἀπ' ἐκεῖ ὅπου ἔμβαινε ὁ Εὐφράτης. καὶ ὅταν ἐσέβησαν μέσα, ὠρισεν καὶ ἀναψαν τὴν Βαβυλῶνα τριγύρω καὶ περιλαβαν οἱ Μακεδόναи καὶ ἐκύκλωσαν τριγύρω, οἱ δὲ Βαβυλώνιοι φοβηθέντες τὴν τέχνην τοῦ Ἀλεξάνδρου, ὅλοι μίαν φωνὴν ἐφώναζαν καὶ ἔλεγαν· ἐλέησον μας, ἐλέησον, Ἀλέξανδρε, καὶ βασιλεῦ τοῦ κόσμου καὶ ἐδικέ μας αὐθέντα. καὶ ὡσάν ἤκουσεν ὁ Ἀλέξανδρος, ὠρισεν καὶ ἔσβησαν τὴν φωτίαν. καὶ τότε ἦλθαν καὶ τὸν ἐπροσκύνησαν οἱ Βαβυλώνιοι καὶ δῶρα πολύτιμα τὸν ἔφεραν.*—Вслѣдъ за тѣмъ въ Вѣн. сп. начинается пропускъ, отмѣченный Веселовскимъ,

стр. 50. Пропускъ начинается на начальныхъ словахъ Дарія, горюющаго, что началъ войну съ Александромъ, и продолжается до сказанія, какъ Александръ посломъ ходилъ къ Дарію. Ивер. списокъ не знаетъ этого пропуска, но эпизодъ съ Ависсомъ въ нѣкоторыхъ случаяхъ различается тамъ и тутъ. Такъ въ слав. пер. Ависсъ самъ вызывается убить Александра, чему Дарій очень радъ, тогда какъ въ Ивер. инициатива исходитъ отъ самого Дарія; когда же Ависсъ выслушалъ желаніе Дарія убить Александра, ἐλυτήθη ἡ καρδία του καὶ εἶπεν· νὰ γένῃ τὸ θέλημά σου, βασιλεῦ Δάρειε, ἐγὼ διὰ τὴν βασιλείαν σου ἔχω χάραν νὰ ἀποθάνω. Ависсъ, придя обратно къ Дарію, произноситъ похвальную рѣчь въ честь Александра, тогда какъ въ слав. текстѣ краткая рѣчь его состоитъ въ сопоставленіи того, что сдѣлалъ для него Дарій, съ тѣмъ, что онъ получилъ отъ Александра: Βασιλεῦ Δάρειε, με τὸ χέρι μου ἐκτύπησα τὸν Ἀλέξανδρον νὰ πάρω τὸ κεφάλι του καὶ δὲν ἐπέτυχα καλὰ, ὅτι ὁ θεὸς ὁποῦ προσκυνᾷ εἶναι μεγάλος καὶ δυνατός καὶ τὸν φυλάττει. ἐγὼ διὰ τὴν βασιλείαν σου καὶ διὰ τὴν ἀγάπην σου ἔβαλα τὴν ζωὴν μου καὶ ἔκαμα ἔργον ὅπου ἄνθρωπος δὲν τὸ ἔκαμεν. κρεῖσσον τὸ εἶχα νὰ ἀποθάνω παρὰ νὰ γυρίσω ἄπρακτος. Послѣ нѣсколькихъ словъ утѣшенія со стороны Дарія, Ависсъ продолжаетъ: βασιλεῦ μου, ἀληθινὰ πολλὰ μου ἔκαμες καὶ πολλὰ με ἐτίμησες, ἀμὴ καὶ ἐγὼ με τὴν ζωὴν μου ἐπλήρωσά σε. ἐσύ με ἔστειλες νὰ ἀποθάνω καὶ νὰ χαθῶ εἰς μέγαν ἄνθρωπον καὶ φοβερόν, διότι μέγας καὶ φοβερός βασιλεὺς εἶναι ὁ Ἀλέξανδρος, βασιλεῦ Δάρειε, καὶ ἀνδρειωμένος καὶ φρόνιμος καὶ ἐλεήμων καὶ ἀξίος εἶναι νὰ βασιλεύῃ εἰς ὅλον τὸν κόσμον, ὅτι ποῖος βασιλεὺς νὰ ἦτον νὰ τοῦ κάμουν, ὅτι ἐγὼ τοῦ ἔκαμα καὶ νὰ ἐχάριζεν τὴν ζωὴν μου; νέος εἶναι ὁ Ἀλέξανδρος, ἀμὴ γεροντικὴν τάξιν ἔχει καὶ πολλοὺς γέροντες βασιλεῖς ἔχει σιμὰ του διὰ τὴν βουλήν του. Ависсъ уходитъ къ Александру и Дарій посылаетъ съ нимъ письмо. Слѣдуетъ въ Вѣн. и славян. переводѣ вторичное явленіе въ снѣ Александрѣ прор. Іереміи, чего въ Ивер. нѣтъ, а рассказъ прямо переходитъ къ пребыванію Александра у Дарія въ качествѣ посла. Во время обѣда Александръ, по славян. переводу, увидя переговоры Дарія съ Кандархусомъ, вынулъ перстень, способный дѣлать человѣка невидимымъ, и приготовилъ его. По Вѣн. тексту, Александръ ἔβαλέν το εἰς τὸ δάκτυλόν του καὶ ἐγένετο ἄφαντος ἀπὸ τοὺς ἀνθρώπους ὁλουνοὺς. Эта непослѣдовательность отмѣчена Веселовскимъ. Ивер. списокъ сначала исправляетъ эту непослѣдовательность: ὁ Ἀλέξανδρος ἐκατάλαβεν τὴν ἔννοιαν καὶ ἐβγάλη ἓνα δακτυλίδι ἀπὸ τὸν κόρπον του ὁποῦ τὸ εἶχε πάρει ἀπὸ τὸ κάστρον τῆς Τρωάδος. καὶ

αὐτὸ ἦτον τῆς Κλεοπάτρας τῆς βασιλισσας (= Клеопатре егупт'ске царице, въ Вѣн. нѣтъ), τὸ ὁποῖον εἶχε τέτοιαν ἐνέργειαν, ὅτι ὁποῖος τὸ ἔβαλεν εἰς τὸ χέρι του, εὐθὺς ἐγένετο ἄφαντος ἀπὸ τοὺς ἀνθρώπους. Но тутъ же прибавляется: καὶ ὡς εἶδεν πῶς τὸν ἐγνώρισαν, ἔβαλέν το εἰς τὸ δάκτυλόν του καὶ πλέον δὲν τὸν ἔβλεπαν καὶ ἐκάθετο νὰ ἰδῆ τί θέλει γίνη. Сѣтованіе Дарія въ Вѣн. сп. пропущено, въ Ивер. оно нѣсколько полнѣе, чѣмъ въ славянскомъ.

XI. Вѣнскій текстъ потерпѣлъ сильное сокращеніе. Письмо Дарія къ Пору и приготовленіе послѣдняго къ оказанію помощи и приготовленіе къ битвѣ совсѣмъ пропущены. Ивер. сп. восполняетъ этотъ пропускъ, отличаясь отъ славян. нѣкоторыми подробностями, но больше въ расширеніи текста. Дальнѣйшее изложеніе въ Вѣн. подверглось сильному сокращенію, такъ что Ивер. списокъ является особенно важнымъ, какъ соотвѣтствующій славянскому переводу. Краткое описаніе битвы славянскаго перевода въ Ивер. нѣсколько распространено, но слова Дарія вполне соотвѣтствуютъ славянскому: ὦ ἐγὼ ὁ ἄγνωστος καὶ καχορίζικος Δάρειος, ὅπου ὑψώθηκα ἕως τὸν οὐρανόν καὶ τώρα καὶ εἰς τὴν γῆν δὲν εἶμαι ἄξιος νὰ σταματήσω, καὶ ἀποθνήσκω μὲ ἐντροπήν καὶ ἀτιμίαν μεγάλην. Смерть Дарія отличается дополненіемъ, которое должно считаться вымысломъ одного изъ переписчиковъ, такъ какъ и у Псевдокаллисфена не находимъ соотвѣтствія.—Въ славян. и Вѣн. два мужа убиваютъ Дарія, «мечеви њго оубодоше и съ конѡ оур'васта, одрыше њго съ ороужіѡ и мало живѡ њго остависта». Въ Ивер. убійцы сначала обращаются къ Дарію съ словами: ἕως πότε διὰ λόγου σου νὰ χάνονται τόσοι στρατιῶται καὶ μεγιστάνοι, καὶ ἡμεῖς νὰ δώσωμεν κακόν θάνατον διὰ λόγου σου; ἀμὴ ἡμεῖς τώρα νὰ σὲ σκοτώσωμεν νὰ μᾶς τιμήσῃ ὁ Ἀλέξανδρος καὶ νὰ ἐλευθερώσωμεν καὶ ἄλλους πολλοὺς ἀπὸ τὸν θάνατον. Дарійъ обращается къ нимъ съ увѣщаніемъ, что уже восходитъ къ Псевдокаллисфену: ὦ ἡγαπημένοι μου μεγιστάνοι, μὴ μὲ σκοτώσετε, παρακαλῶ σας, ἀφῆτέ με νὰ ζῶ, καὶ ἄς με ὀρίζῃ ὁ Ἀλέξανδρος, μόνον ἀφῆτέ με νὰ ζῶ, καὶ ἄς δουλωθῶ εἰς τὸν Ἀλέξανδρον, παρακαλῶ σας διὰ τὴν ἀγάπην τῶν θεῶν.—Когда Александръ нашель умирающаго Дарія, послѣдній въ Вѣн. сп. говоритъ только: ἐγὼ εἶμαι ὁ Δάρειος ὁ βασιλεὺς, ὅπου μὲ ἐπροσκυνοῦσαν πολλὰς χιλιάδες ἀνθρωποι. Иначе въ Иверскомъ: ἐγὼ εἶμαι ὁ Δάρειος ὁ βασιλεὺς τοῦ κόσμου, ὅπου κάποτε ἤμουν φοβερός, ὅπου πολλοὶ βασιλεῖς καὶ μεγιστάνοι καὶ ἄρχοντές με ἐπροσκύνησαν, καὶ τώρα κείττομαι εἰς τῶν ἀλόγων τὰ ποδάρια. ὁ Δάρειος εἶμαι, ὅπου βασιλεῖς καὶ ἄρχοντες τὸ ὄνομά μου ἀκούοντες ἔτρεμαν. ἐγὼ ὁ

Δάρειος ὁ μέγας βασιλεὺς τῆς Περσίας καὶ τώρα εἶδες, πῶς με ἔκαμαν οἱ ἐδικοί μου δοῦλοι καὶ ἠγαπημένοι. λοιπὸν ἐνθυμήσου καὶ ἐσὺ τὸν θάνατον, Ἀλέξανδρε, καὶ μηδὲν με ἀφήσης ἐδῶ εἰς τὸν κονιορτὸν ὅπου κείττομαι εἰς τῶν ἀλόγων τὰ ποδάρια, ὅτι ἐσὺ δὲν εἶσαι ἀνελεήμων, ὡσὰν τοὺς Πέρσας, ἀμὴ εἶσαι ἀπὸ εὐλογημένον γένος, καὶ παρακαλῶ σε μὴ ἐνθυμηθῆς κακὸν ἀντὶ κακοῦ. Ср. съ этимъ славян. переводъ, Новак. стр. 71—72. Подробнѣе, чѣмъ въ славян., описывается, какъ Александръ сѣлъ на тронъ и всѣ ему поклонились. Къ Александру привели Роксану, и въ Вѣн. сп. Дарій говоритъ ему: δέξου, Ἀλέξανδρε, τὴν σπλαγχνικήν μου θυγατέρα, ὅτι εὐδόκιμη πάμπολλα ἐναί. Иверскій же списокъ параллельно славянскому содержитъ такую рѣчь Дарія: ὦ ψυχὴ μου καὶ καρδιά μου, καὶ σπλαγχνικὸν μου τέκνον Ῥοξάνδρα μου, ἤφερά σου ξενικὸν ἀπὸ τὴν Μακεδονίαν ὅπου δὲν τὸν ἐπαντύχαινα, καὶ ὄχι μὲ τὸ θέλημά μου τὸν ἤφερα, ἀμὴ μὲ τὸν ὀρισμὸν τοῦ θεοῦ, καὶ εἶναι αὐθέντης τῆς Περσίας, ὡσὰν ἤμουν καὶ ἐγώ, καὶ εἰς τὰ πλοῦτή μας ὅλα ἐγένεν βασιλεὺς. ὁμως γλυκυτάτη μου θυγάτερ, ἐγὼ δὲν ἀπαντυχαίνω νὰ γένη ὁ γάμος σου ἐτζί ἔξαφνα, ἀμὴ ἔλεγα νὰ κράξω βασιλεῖς καὶ μεγιστάνους καὶ ἄρχοντες, καὶ νὰ στέψω ἔντιμα καὶ χρήσιμα τὸν γάμον σου, ἀμὴ ἀντὶ τὸν γάμον σου ἐχύθησαν περισσὰ αἵματα πολλὰ ἐκ τῶν Μακεδόνων καὶ Περσῶν, καὶ πολλὰ ἀντισταθήκαμεν καὶ ἡμεῖς εἰς τὸν πόλεμον, ἀμὴ θεοῦ θέλημα δὲν ἦτον, ὅτι ἡμεῖς ὑψώθημεν ἕως τὸν οὐρανόν, καὶ ἀπὸ τὸ ὑψωμα τώρα ἐπέσαμεν ἕως τὸν ἄδην. καὶ ἐπειδὴ ὁ θεὸς ἔδωσεν τὴν βασιλείαν μου τοῦ μεγάλου Ἀλεξάνδρου, καὶ τὸν ἔκαμεν βασιλέα ὅλου τοῦ κόσμου, ὀρίζω καὶ ἐγὼ ἐσένα, θυγατέρα μου, καὶ σε δίδω νὰ εἶσαι γυνὴ τοῦ βασιλέως Ἀλεξάνδρου καὶ νὰ τὸν ἔχῃς αὐθέντη καὶ βασιλέα σου ἐγκαρδιακὸν καὶ μὲ ἐμπιστοσύνην καὶ μεγάλην τιμὴν. Дальнѣйшее повѣствованіе идетъ въ соотвѣтствіе славянскому, съ нѣкоторыми незначительными добавленіями. Похороны Дарія также получили описаніе: Ὁ Ἀλέξανδρος ὡς εἶδεν, ὅτι ἀπέθανεν ὁ Δάρειος, ἠτοίμασεν νὰ τὸν θάψῃ καὶ ὠρίσε τοὺς μεγιστάνους του καὶ τοὺς ἄρχοντας μὲ ὅλον τὸ φουσάτον νὰ πηγαίνουν ὅλοι ξεσπάθωμένοι ἐμπροστά. οἱ δὲ Πέρσαι νὰ ἔρχονται ὀπίσω χωρὶς ἄρματα καὶ τὸ λείψανον εἰς τὴν μέσσην μὲ πολῦτιμα φορέματα καὶ ἀρώματα καὶ τὸν ἐπήγαιναν εἰς τὸν τάφον. καὶ ὁ τάφος ἦτον ὅλος καθαρὸν χρυσάφι καὶ πέτρες πολῦτιμες, καὶ ἔβαλαν ἐπάνω εἰς τὸ μνήμα τὸ στέμμα τοῦ βασιλέως Δαρείου, καὶ ἔγραψαν καὶ γράμματα ἑλληνικὰ ἐπάνω εἰς τὸν τάφον. Этого описанія нѣтъ въ славянскомъ и у Псевдокаллистенна. Казнь убійцъ Дарія разсказана, какъ въ славянскомъ (Новак. 74). Послѣ этого слѣдуетъ письмо Александра къ Олимпіадѣ.

XII. Письмо Александра въ общемъ соотвѣтствуетъ переводу, но въ послѣднемъ Александръ объясняетъ точнѣе, почему онъ пишетъ письмо: «И вѣдомо да ксть вамъ, яко дон'деже жен'скаа любовь срьдце моѣ не обыкла бѣше, никако мене мысль нахогаше о васъ и о домаш'нихъ; да отънелиже жен'скаа любовь въ срьдце оустрѣли мене, отътоле и о мирскихъ мислити начехъ: ни бо вьмѣнахъ, где оубити ме хотеть, где ли оубити хоштоу». Въ Ивер. Александръ пишетъ: *καὶ ἐπειδὴ ἔγινε τὸ πρᾶγμα ἔτσι, ἄφησα τοὺς πολέμους καὶ γράφω πρὸς ἐσᾶς ἐπιστολήν, ἀμὴ προτῆτερα εἶχα τὸν νοῦν μου πῶς νὰ πάρω κᾶστρον καὶ βασιλεῖς.* — Александръ ставитъ высокій столпъ и съ него говоритъ рѣчь объ единобожїи: *νὰ ἡξεύρετε ἐσεῖς οἱ Πέρσαι, ὅτι ἐγὼ προσκυνῶ τὸν θεὸν τοῦ οὐρανοῦ καὶ τῆς γῆς καὶ ποιητὴν Σαβαώθ καὶ αὐτὸς ὁ θεὸς νὰ πατάξῃ τὰ εἰδῶλα καὶ νὰ χαλάσῃ τοὺς θεοὺς τῶν Ἑλλήνων. καὶ ὅσοι πιστεύουν εἰς αὐτά, ἀμὴ ἐγὼ πιστεύω καὶ προσκυνῶ τὸν θεὸν τὸν ἀόρατον Σαβαώθ.* Слѣдуетъ краткая исторїя съ Крисомъ и рядъ видѣнныхъ чудесъ. Александръ находитъ: 1) косматыхъ исполинскихъ женщинъ, съ которыми войско его вступаетъ въ битву; 2) исполинскихъ муравьевъ, изъ которыхъ ἓνας μύρμηγκας ἔπαιρνε ἓνα ἄλογον; 3) рѣку, шириною въ день пути; 4) людей величиною въ локоть; 5) озеро *καὶ τὸ νερὸν ἐκεῖνο ἦτον κρύον καὶ γλυκὺ ὡσὰν ζάχαρι;* среди озера былъ столпъ поставленный Сонхосомъ, и на немъ надпись: *ὅποιος ἄνθρωπος θέλει νὰ ὑπάγῃ εἰς τὴν ἄκραν τῆς γῆς, ἕως ἐδῶ νὰ ἔλθῃ καὶ παρεμπρὸς νὰ μὴν ὑπάγῃ, ὅτι ἐγὼ ὁ Σοσόνυχης ὁ βασιλεὺς ἐπῆρα τὸν κόσμον ὅλον καὶ ὑψώθηκα πολὺ καὶ ἠθέλησα νὰ εὕρω τὴν ἄκραν τῆς γῆς, καὶ εἰς τοῦτον τὸν κάμπον ἦλθαν οἱ ἄγριοι ἄνθρωποι εἰς τὸ φουσάτον μου ἐπάνω καὶ τὸ κατατῆλάκισαν καὶ ἐμένα μὲ ἐσχότωσαν.* 6) людей великихъ и страшныхъ *δύο ὄργυιαις ὑψηλοὺς,* про которыхъ Александръ говоритъ, что они убили Сесонхоса; одинъ изъ нихъ пожираетъ подведенную къ нему жену; происходитъ сраженіе между ними и войскомъ Александра; воины требуютъ воротиться назадъ, Александръ ихъ уговариваетъ = Новак. 79; 7) Александръ приходитъ *εἰς ἓναν εὐμορφον τόπον,* гдѣ были статуи Ираклія и Семирамиды; 8) идетъ въ пустыню и находитъ шестирукихъ и шестиногихъ людей; 9) псоглавци = *σκυλοκεράλοι;* 10) морскіе раки, поѣдающіе лошадей и людей; 11) Александръ хочетъ плыть на одинъ островъ, Филонъ отговариваетъ, и его Александръ посылаетъ вмѣсто себя; послѣ него отправляется самъ Александръ; разговоръ Александра съ нагомудрецами; 12) отъ нихъ онъ узнаетъ о блаженныхъ, о происхожденїи которыхъ слышитъ цѣлую легенду; легенда

въ славянскомъ передана подробнѣе, чѣмъ въ Ивер., и сходится съ спискомъ Флорентійскимъ: Ὅποτεν ἔβγαλεν ὁ θεὸς τὸν Ἀδὰμ ἀπὸ τὸν παράδεισον, ἦλθεν εἰς αὐτὸν τὸν τόπον μετὴν Εὐαν καὶ ἔκαμαν χρόνους πολλοὺς, βλέποντάς τον, καὶ ἐνθυμούμενος ἔκλαιε πικρῶς, καὶ αὐτοῦ ἐγέννησε τὸν Κάϊν καὶ τὸν Ἄβελ, καὶ ὁ διάβολος ἐφθόνησεν καὶ ἐγέννησαν ἕτερον υἱὸν καὶ τὸν ὠνόμασαν Σὴθ καὶ ἔμεινεν ὁ Σὴθ εἰς τὸν τόπον αὐτὸν καὶ ἐποίησεν σπέρμα καὶ ἐγένοντο ὅπερ εἶναι αὐτοὶ οἱ Μάκαρες. Александръ идетъ къ нагомудрецамъ, по дорогѣ въ одномъ мѣстѣ ставитъ столбъ, а на немъ свой образъ; встрѣчаетъ человѣка, привязаннаго цѣпями; женщину, также привязанную къ горѣ; озеро, наполненное змѣями. Начало бесѣды Александра съ блаженными у Новаковича пропущено, издано Веселовскимъ изъ рукописи Кирилло-Бѣлозерской № 1088. Въ Иверск. пропущенное мѣсто читается такъ: Καὶ εἰς αὐτὸν τὸν τόπον ἔκαμεν ὁ Ἀλέξανδρος καιρὸν ἀναπαύσεως καὶ ὤρισε νὰ κάμουν κάτεργα διὰ νὰ περάσουν εἰς τοὺς Μακάρους. καὶ ὡσάν ἔκαμαν τὰ κάτεργα, ἐπῆρε τὸν Φιλόνην καὶ τὸν Ἀντίοχον καὶ ἐπῆγεν εἰς τὸ νησί τῶν Μακάρων, ὅπερ τὸ λέγουσιν ἐλληνικὰ Δραχμάνες. καὶ ἐκεῖ ἦτον δένδρα πολλῶν λογιῶν καὶ πολὺκαρπα, καὶ εἰς τοὺς κλόνους τῶν δένδρων ἦσαν πουλῖα πάσης γενεᾶς καὶ ἐλαλοῦσαν πολὺ νόστιμα γλυκὰ καὶ εὐμορφα. καὶ ἦσαν τόσες βρύσες ὅπου ἔτρεχαν τὰ κρῦα νερά καὶ γλυκέα ὡσπερ ζάχαρι. καὶ ἐβγήκεν εἰς τὸ νησί ὁ Ἀλέξανδρος καὶ ἦλθεν ἕνας ἄνθρωπος καὶ τὸν ἐσυναπάντησεν. καὶ εἶπέν του ὁ Ἀλέξανδρος· χαίροις, ἀδελφέ, εἰρήνη σοι καὶ ἀγάπη. καὶ αὐτὸς τοῦ ἀπεκρίθη· ὀλονῶν χαρὰ Ἀλέξανδρε. ὁ δὲ ὡς ἤκουσεν τὸ ὄνομά του ἐθαύμασεν· ἐκεῖνος εἶπέν του· ἤξευρε εἰς τοὺς γεροντοτέρους μας θέλουν σοῦ ὁμολογήσῃ περὶ τὸν θάνατόν σου. καὶ ὁ Ἀλέξανδρος ἐπῆγεν ἔμπροσθεν ὀλίγα καὶ ἐξέβησαν ἄνθρωποι πολλοὶ καὶ τὸν ἐσυναπάντησαν καὶ τὸν ἐφίλησαν εἰς τὸ πρόσωπον. Слѣдуетъ разговоръ Александра съ Евантомъ. Какъ въ славянскомъ, такъ и въ Ивер. Евантъ вторично говоритъ Александру о своемъ происхожденіи: τοῦ Ἀδὰμ ἐγγόνια εἴμεσθεν, ὅτι ὁ Ἀδὰμ ὅταν ἐξωρίσθη ἀπὸ τὸν παράδεισον καὶ ἐτεκνοποίησεν, καὶ ἡμεῖς εἴμεσθεν ἀπὸ τὸν Σὴθ τὸν τρίτον υἱὸν τοῦ Ἀδὰμ, ὅπου τοῦτον ἔδωκεν ὁ θεὸς ἀντὶ Ἄβελ, ὃν ἀπέκτεινε Κάϊν. Нѣтъ просьбы безсмертія, какъ у Новаковича; въ сп. Кирилло-Бѣлоз., очевидно, прибавка редактора. Александръ идетъ смотрѣть островъ, гдѣ живутъ жены блаженныхъ, но не имѣя возможности сдѣлать это, поставилъ столпъ съ надписью: Ἀλέξανδρος ὅπου ἐπερίλαβεν ὄλον τὸν κόσμον καὶ εἰς τὸ νησί τοῦτο ἦλθα καὶ εἶδά το καὶ ἐγύρευσα τοὺς θεοὺς τῶν Ἑλλήνων, καὶ οὐδὲ ἐν δὲν ἠῦρα, ἀλλὰ εἶναι ὅλοι εἰς τὸν ἄδην, ἀμὴ ὡς

φαίνεται, δὲν εἶναι τῶν Ἑλλήνων, ἀλλὰ ἐμένα ὁ Εὐάνθης ὁ φρόνιμος ὁ βασιλεὺς τῶν Μακάρων τὴν ἀλήθειαν ἐδειξε, πῶς οἱ θεοὶ τῶν Ἑλλήνων κοίτονται εἰς τὰ καταχθόνια τοῦ ἄδου καὶ βασανίζονται μὲ τὸν διάβολον ἀπὸ ὀρισμὸν τοῦ θεοῦ Σαβαώθ. καὶ ἂν ἔλθῃ ἄλλος κατώπιν μου εἰς τὸ νησι τοῦτο ὀλόγυρα, ἄς βλέπῃ καὶ μέσα εἰς τὸ κάστρον νὰ μηδὲν τηρήσῃ, ὅτι μόνον ὁ θεὸς ὁ μεγαλοδύναμος τὸ ἤξεύρει, ἰδὲ ἄνθρωπος δὲν τολμᾷ νὰ τηρήσῃ; сравн. Новак. 88. Кончивъ разговоръ съ Евантомъ, Александръ возвратился къ войску и поставилъ надпись ρωμαϊκὰ ἀραβικὰ: Ἄλέξανδρος ὁ βασιλεὺς ἦλθα εἰς τὴν ἄκραν τῆς γῆς καὶ ἀπὸ τὴν καμάραν ταύτην ἐπέρασαν τὰ φουσάτα μου ὄλα καὶ ἐδιάβηκαν, καὶ ἐπεριπάτησα δ' ἡμέρες καὶ ἦλθα εἰς τὴν σκοτειτὴν γῆν; сравн. Новак. 90: «Алексен'дръ царь на край землѣ дошдь и по сини камаре високои прѣиде съ в'сею войскою своєю, и тоу д. дъни ходивъ до тѣм'не землѣ доиде». Войско приходитъ въ землю мрака; выносятъ камни, оказавшіеся драгоценными; встрѣчаются двѣ челоѣкообразныя птицы, которыя возвѣщаютъ ему, что его ждетъ царство Порово; приходятъ къ одному озеру, поваръ моетъ въ немъ рыбы, которыя оживаютъ; приходятъ къ озеру, вода котораго сладка какъ сахаръ; громадная рыба едва не пожрала Александра, но онъ убиваетъ ее и въ сердцѣ ея находитъ ἓνα λιθάρι τρανὸν ὡσάν χηναρίου αὐγὸν καὶ ἔλαμπεν ὡσάν ὁ ἥλιος τὸ λιθάρι ἐχεῖνο; ночью выходятъ изъ озера женщины καὶ θαυμαστὰ τραγούδια ἐτραγουδοῦσαν; встрѣчаются далѣе существа, οἱ ὁποῖοι ἀπὸ τὴν μέσην καὶ ἐπάνω ἦτον ἄνθρωποι, καὶ ἀπὸ τὴν μέσην καὶ κάτω ἦσαν ὡσάν ἄλογα ζῶα; Александръ избавляется отъ нихъ хитростью; наконецъ приходитъ εἰς τὴν Ἠλιούπολιν; идя отсюда, встрѣчаетъ ἀνθρώπους μονοποδάρους καὶ ἀπ' ἐκεῖ ἐσηκώθη ὁ Ἄλέξανδρος καὶ ἐπεριπάτησεν ἡμέρας ἕξ καὶ ἦλθεν εἰς τὸ σύνορον τῆς Ἰνδίας εἰς τοῦ Πώρου τοῦ βασιλέως τὸν τόπον. Такимъ образомъ, мѣръ чудесъ, видѣнныхъ Александромъ, вполне соотвѣтствуетъ славянскому тексту: послѣдній слѣдуетъ за разсматриваемымъ греческимъ текстомъ, не опускаая и не прибавляя ничего.

ХІІІ. Съ посланія Пюра къ Александру возобновляется чтеніе Вѣнскаго списка. Поръ пишетъ Александру письмо, которое въ Вѣн. сп. сильно сокращено; Ивер. сп. ближе къ славянскому переводу, но все таки нѣсколько подробнѣе. Поръ между прочимъ пишетъ: καὶ ἦλθες καὶ εἰς ἐμένα, ἀμὴ νὰ χαθῆς ἦλθες, ὅτι ὠρισα τόσον κόσμον καὶ τὰ σύνορα ὄλα δὲν ἠμποροῦν νὰ μὲ ἀντισταθοῦν. καὶ ἐγὼ ὡσάν ὀργισθῶ καὶ σηκώσω σφερί, ὄλος ὁ κόσμος ὀποῦ εἶναι ὑποκάτω τοῦ οὐρανοῦ δὲν δύναται νὰ μὲ ἀντισταθῇ, καὶ τόση εἶναι ἡ λωλάδα ἡ ἐδική σου καὶ ἦλθες νὰ

πολεμᾶς με θεόν ὁποῦ ὄλη ἡ οἰκουμένη τρέμει καὶ φοβεῖται με. Отвѣтъ Александра гораздо подробнѣе славянскаго, не говоря о Вѣн. текстѣ, который короче послѣдняго. Послѣ угрозы послать Пора въ адъ, Александръ продолжаетъ: ὁμως τώρα καὶ ἐσὺ ἀπάντεχέ με νὰ ἔλθω εἰς τὸ βασιλείον σου καὶ ὅποιον θέλῃ ὁ θεὸς θέλει τὸ δῶση, ἄς ἔλθω αὐτοῦ νὰ πολεμήσωμεν με τὰ φουσατά μας, καὶ ὅποιος νικήσῃ θέλει, βασιλεύσει εἰς τὰ πάντα. ἐγὼ ἐδῶ ποῦ ἦλθα, πλεον ὀπίσω δὲν γυρίζω, μήτε ἐγὼ μήτε τὰ φουσατά μου, ἢ ἐδῶ ἐσὺ θέλεις μᾶς κατασφάξῃς ἐμένα καὶ τὰ φουσατά μου, ἢ ἡμεῖς ἐσένα καὶ τὰ φουσατά σου θέλομεν κατασφάξῃ, ὅτι ἐγὼ δὲν φοβοῦμαι μήτε τὰ φουσατά σου μήτε τὸν θάνατον πῶς ἀποθάνωμεν εἰς τὸν πόλεμον, μόνον ἔρχομαι με τὴν δύναμιν τοῦ θεοῦ Σαβαώθ καὶ ὁ ἄνωθεν ὅποιον θέλει ἄς τοῦ δῶση τὸ νῖκος. Послѣ этого Александръ пишетъ письмо къ Олимпιάдѣ и Аристотелю, чего нѣтъ ни въ Вѣнск. ни въ греческ. народ. книгѣ (ср. Веселов., изсл. стр. 383). Въ смыслѣ сентиментальности, на которую указываетъ Веселовскій, Ивер. текстъ пошелъ далеко впередъ. Сентиментальностью отличается особенно вступленіе, которое я приведу, въ виду отсутствія письма въ другихъ спискахъ: Ἄλέξανδρος ὁ βασιλεὺς εἰς τὴν κυρίαν καὶ μητέρα μου τὴν Ὀλυμπιάδα πολλὰ ἀκριβοχαιρετῶ σε καὶ γλυκέα καταφιλῶ σε, καὶ τὸν διδάσκαλόν μου τὸν Ἀριστοτέλην πολλὰ ἀκριβοχαιρετῶ ἀσπασίως. τώρα γοῦν ἔχω ἐπτὰ χρόνους ὁποῦ ἐδιάβηκα, ἀφοῦ τὸν πόνον τὸν ἐδικόν σας ἔχω εἰς τὴν καρδίαν μου, καὶ ἐσεῖς πάλιν πολλὴν θλίψιν ἔχετε διὰ ἐμένα, καὶ πολλὰ θλίβεσθε καὶ με τὴν ψυχὴν καὶ καρδίαν, καὶ στέκεσθε ὡσάν ἓνα μεγάλον καράβι εἰς τὴν θάλασσαν, καὶ δὲν ἔχει καιρόν καὶ καρτερεῖ τοὺς ἀνέμους καὶ κυττάξει πότε μίαν μερέαν πότε ἄλλην ἀπὸ ὅλους τοὺς ἀνέμους, ἔτσι καὶ ἡ καρδιά σας καίεται διὰ ἐμένα, καὶ ἐγὼ πολλὰς φορές βλέπω σας εἰς τὸν ὕπνον μου, ἡγαπημένη μου μητέρα, καὶ συντυχαίνω καὶ χαιρετῶ σας, καὶ ὅταν ξυπνήσω ἀπὸ τὸν ὕπνον μου, εἶναι τὸ ὄνειρόν μου ψευδές, καὶ θλίβομαι καὶ περισσὰ πικραίνομαι. οὕτως θαρρῶ καὶ ἐγὼ, γλυκυτάτη μου μήτηρ, ὅτι καὶ ἐσὺ με βλέπεις εἰς τὸν ὕπνον σου τὸν σπλαγχνικόν σου υἱόν τὸν μόνον, ὅτι ἄλλον ποτέσ οὐδὲν ἔχεις εἰς τὸν κόσμον παρ' ἐξ ἐμένα, καὶ σπλαγχνικά με φιλεῖς καὶ με προσχαίρεσαι καὶ ὄντας ξυπνᾶς καὶ δὲν με εὐρίσχεις, καὶ γεμίζει ἡ καρδιά σου θλίψεις καὶ πόνους ἀπαραμυθήτους καὶ κλαυθμούς καὶ πόνους, καὶ δάκρυα χύνεις διὰ λόγου μου ὁποῦ εἶμαι εἰς ξένον τόπον. καὶ ἔτσι πρέπει πᾶσα μητέρα νὰ πονῇ διὰ τὸν υἱόν της, καὶ νὰ ἠξεύρης, κυρία μου Ὀλυμπιάδα, ὅτι δὲν ἦτον λάθος ἀπὸ λόγου μου τόσον καιρόν, ὁποῦ δὲν ἔστειλα καμμίαν γραφήν, ὁμως δὲν με ἐβόλεσεν μήτε ἄδειαν εἶχαμεν νὰ γράψωμεν ἐπιστολήν. Послѣ краткого обозрѣнія

своего путешествія, чему въ славянскомъ нѣтъ соотвѣтствія, Александръ начинаетъ подробно описывать свои дѣянія, при чемъ Ивер. текстъ идетъ въ полномъ соотвѣтствіи съ славянскимъ. По окончаніи славянскаго текста Ивер. сп. добавляетъ нѣсколько строкъ, впрочемъ, не существенныхъ: *καὶ ἄλλα πολλὰ*, пишетъ Александръ, *τὰ ὅσα εἶδαν τὰ μάτια μου, καὶ τὰ ὅσα ἐποίησα καὶ ἀπὸ τὴν πολλήν μου ἔννοιαν, δὲν ἤμπορῶ νὰ σᾶς γράφω*. Идутъ приготовленія къ битвѣ. Поръ считаетъ свое войско, величина котораго пугаетъ войско Александрово, и его хотятъ предать, но во время извѣщаютъ его о томъ, *καὶ ὡς ἤχουσεν ὁ Ἀλέξανδρος ὤρισεν καὶ ἐσύναξεν τὰ φουσάτα του ὅλα πρὸς τὸν Πῶρον*— какъ говоритъ Вѣн. сп., но славянск. переводъ и Ивер. сп. взамѣнъ этого предлагаютъ большую рѣчь Александра къ воинамъ и раскаяніе послѣднихъ. Рѣчь начинается тамъ и тутъ одинаково:

Новак. 98. О любимыхъ моихъ велеможни Македоняне и всѣхъ языкъ силъ нѣшии почтени витези! Како весь свѣтъ приѣмъше и в'сесилъ не деснице побѣдивше, дньсь отъ непотрѣбныхъ и одь нехрабрихъ Ин'дианъ оубогасте се?

ὦ ἠγαπημένοι μου καὶ καλοὶ μου ἀνδρειωμένοι Μακεδόνες, ἀπὸ ὄλαις τε γλῶσσαις ἐνδοξότατοι καὶ τιμιώτατοι πρωτοκαβαλλαραῖοί μου καὶ χρυσοπτεριστηράτοι, καὶ ὅλοι μου οἱ μεγιστάνες καὶ ἄρχοντες, ἐσεῖς ὅλον τὸν κόσμον ἐπεριλάβετε, καὶ τώρα τὴν σήμερον ἡμέραν ἐφοβήθητε καὶ ἐσκιάσθητε ἀπὸ τοῦ ἀνάνδρου καὶ οὐδὲ τιποτένιους ἀνθρώπους.

Какъ въ другихъ мѣстахъ, такъ и тутъ греческій текстъ нѣсколько длиннѣе славянскаго; такъ напр. въ соотвѣтствіе славянскому «да вѣдомо да ксть вамъ, како мнѣ .г. лак'ти землѣ ксть доволк; вамъ же в'соу вселкн'ноу одоумрети имамъ; нъ сию царствовати безъ мене не можете»—въ соотвѣтствіе этому греческій текстъ предлагаетъ: *ἀμὴ χωρὶς ἐμένα ἐσεῖς δὲν θέλετε βασιλεύη, καὶ νὰ ἤξεύρετε, ὅτι ἐμένα σώνει με τρεῖς πῆχεις ἀπὸ τὴν γῆν μέσα νὰ σεβῶ, καὶ ἐσεῖς, ζῆ κύριος Σαβαώθ, οὐδὲν ἤμπορεῖτε χωρὶς ἐμένα νὰ βασιλεύετε χωρὶς τὸν Ἀλέξανδρον, καὶ ἐσεῖς Μακεδονίαν δὲν θέλετε ἰδῆ μήτε ἀπ' αὐτὸν τὸν τόπον θέλετε ἐξέβη. Противъ славянскаго перевода въ Ивер. сп. рѣчь Александра имѣетъ продолженіе: *δὲν ἤμουν εἰς τοὺς πολέμους ἐγὼ πάντα ἔμπροστα, καὶ δὲν ἤμουν ἐγὼ ὅπου σᾶς ἔδειχνα τοὺς πολέμους; δὲν ἤμουν ἐγὼ ὅπου σᾶς ἐπῆγα εἰς τὸν Δάρειον ἀποκρισάρης μοναχός μου; εἰς ποῖον πόλεμον δὲν ἤμουν καὶ ἐγὼ εἰς τὴν μέσην ὡσάν ἕνας ἀπὸ ἐσᾶς; ἐγὼ ἤμουν**

Ἀλέξανδρος ὁ βασιλεὺς καὶ ἐσεῖς ἐβασιλεύετε, ἀμὴ καθὼς ἐκάμετε, ἐλπίζω εἰς τὸν θεὸν Σαβαώθ, πῶς ἐδῶ θέλετε περάσῃ κακὴ ζωὴ καὶ οἱ βασιλεῖς ὅπου ἐπήραμεν ὡσάν χαθῶ ἐγώ, θέλουν νὰ σηκωθοῦν νὰ σᾶς πολεμήσουν νὰ σᾶς παραλάβουν νὰ χαθῆτε ἕως τὸ ἄκρος. Воины раскаяваются и, какъ въ славянскомъ, указываютъ на Персовъ, какъ на виновниковъ измѣны. Передъ битвой Александръ пишетъ письмо къ Филону съ приказомъ ему идти немедленно въ Индію. Письма этого нѣтъ въ Вѣн. спискѣ.

XIV. Въ Вѣн. сп. слѣдуетъ большой пропускъ сравнительно съ славянскимъ, восполняемый Иверскимъ текстомъ. Первая битва, до прибытія Филона, въ Вѣн. сп. сохранилась въ скудномъ остаткѣ. Описание ея въ Ивер. разукрашено нѣкоторыми подробностями противъ славянскаго. Тамъ и тутъ Поръ спрашиваетъ воиновъ, какъ сражаться съ Македонянами, тѣ совѣтуютъ послать слоновъ и львовъ, что Поръ и дѣлаетъ. «Алексен'дръ прѣма ихъ на бои пошьдь, воѳ же . с . ти-соушьт поведе пешьць, и в'семь прапор'це носити рече, и ноги слоновомъ падсѣдати, слонове же, прапорьць носити рече, и ноги слоновомъ подсѣдати, слонове же, прапорць звекъ, не видѣвше, оуплашив'ше се побѣгоше» (Новак. 100). Иверскій списокъ разукрасилъ битву: Ἀλέξανδρος ὁ βασιλεὺς ἤρχετο εἰς τὸν πόλεμον εἰς αὐτουνοὺς ἐπάνω χωρὶς κανένα φόβον, καὶ ὡσάν τοὺς εἶδεν μετέτοιες ἀρματωσίεις καὶ πανουργύματα, ὤρισεν καὶ αὐτὸς τοὺς καβαλλαραίους τοὺς ὁ καθ' εἰς εἰς τὸ ἄλογόν του νὰ βάλῃ κουδούνια περισσά, καὶ ἔτζι ἔβαλαν ὄλοι εἰς τὰ ἄλογά τους πολλὰ κουδούνια, καὶ ἐκατέβαιναν ὀγλήγωρα εἰς τὸν πόλεμον. ἀμὴ ὁ Ἀλέξανδρος εἶχεν πεζοὺς ἀρματωμένους χιλιάδες σ', τοὺς ὁποίους ὤρισεν ὁ Ἀλέξανδρος νὰ πηγαίνουν ἐμπροστὰ καὶ νὰ κόπτουν τὰ ποδάρια τῶν ἐλεφάντων, καὶ ἔτζι ἐσμίχθησαν πάλιν καὶ ἔδωσαν δεύτερον πόλεμον φοβερόν καὶ θαυμαστόν. οἱ δὲ πεζοὶ Μακεδόνες ἐχύνοντο χαμηλά καὶ ἔκοπταν τὰ ποδάρια τῶν ἐλεφάντων. καὶ ὡσάν εἶδαν οἱ ἐλέφαντες τῶν ἄλλωνῶν ἐλεφάντων τὰ κορμῖα ἀπλωμένα εἰς τὴν γῆν καὶ ἤκουσαν τὴν βοὴν τῶν κουδουναρίων, ἐφοβήθησαν φόβον μέγαν, καὶ ἐγύρισαν νὰ φεύγουν ὀπίσω. καὶ ὁ Ἀλέξανδρος ὡς εἶδεν, ὅτι φεύγουν, ἐπῆρέν τους καταπόδα, ἕως ὅπου ἤλθε καὶ ἔσμιξε μετὰ τὰ φουσάτα τοῦ Πώρου. καὶ ἐκεῖ ἐκτύπησαν πόλεμον μέγαν καὶ θαυμαστόν καὶ αὐτοῦ ἐσχότωσησεν ὁ Ἀλέξανδρος ν' χιλιάδες ἀνθρώπους. Слѣдуетъ описание прихода Филона и битвы его съ Поромъ, а затѣмъ письмо Пора къ окрестнымъ народамъ. Въ Вѣн. сп. все это отсутствуетъ. Придя къ Александру, Филонъ совѣтуетъ бороться съ Поромъ «яко на некака и нехрабра и неискоус'на». Въ Ивер. — δὲν πρέπει

νά στέκεσαι ἡ βασιλεία σου ἀπὸ τῶρα ἀντικρὺ τοῦ Πῶρου ὅπου ἐκυρίευσες ὅλην τὴν οἰκουμένην, βασιλεία, χῶρες, κάστρη, καὶ ἄλλα μὲ τὸ ὀλιγώτερον ἀσκέρι, καὶ ὑψηλότατε φανερόν ποῦ εἶναι μέγας βασιλεὺς φρόνιμος καὶ ἀνδρεῖος, καὶ μὴν στέκεσαι ἀντικρὺ τοῦ βασιλέως τῆς Ἰνδίας, μὴν ἀρχῆς μάλιστα, σύρε καταπάνω του ἀφοβα καὶ μὲ πολλὴν ἀποκοτίαν καὶ δύναμιν, ὅτι τὰ φουσάτα του εἶναι δυνατὰ καὶ ἀκουσμένα καὶ θέλεις τὸν τζακίσει. Филонъ говоритъ далѣе, что у Пора войска много, а рѣка непереходимая, и проситъ отпустить его на битву съ Поромъ. Разговоръ его съ Александромъ по этому поводу нѣсколько различенъ въ славянскомъ и Ивер. Въ славянскомъ Филонъ говоритъ, что Александру не подобаетъ биться съ Поромъ, а должно биться ему, Филону, такъ какъ царство индiйское равно царству персидскому, а онъ, Филонъ, есть царь Персiи, по милости Александра. Александръ спрашиваетъ: «како рѣкоу прѣидеши?» Филонъ отвѣчаетъ: «также ты оузриши». Въ Ивер. Филонъ не выставляетъ такой причины, но только совѣтуетъ Александру скорѣе послать его на битву, такъ какъ иначе Поръ, увидя ихъ замедленiе, θέλει ἀνδρειωθῆ. На это Александръ отвѣчаетъ: τοῦ Πῶρου τὸ φουσάτον εἶναι πλῆθος ἄπειρον, λαὸς ἀμέτρητος, ὅπου ποτὲ δὲν μετρεῖται, καὶ τὸ ποτάμι αὐτὸ εἶναι ἀπέραστον, ἄλογα δὲν δύνονται νὰ περάσουν, καὶ πῶς βολεῖ νὰ πολεμήσωμεν τὸν Πῶρον, ὅπου εἶναι ἀντίπερα ἀπὸ ἡμᾶς; на это Филонъ подробно говоритъ о божьей помощи, которую получаютъ Македоняне: ἡ χεῖρ τοῦ θεοῦ νὰ εἶναι ἐπάνω εἰς τοὺς Μακεδόνας καὶ δὲν ἤμπορεῖ οὔτε ποτάμι οὔτε ἄλλο νὰ ἀντισταθῆ μῆτε κανένας βασιλεὺς τοὺς θέλει νικήσῃ τὸ ριζικόν τῆς βασιλείας σου, οὔτε βουνὰ οὔτε λόγγοι οὔτε ποτάμια μεγάλα σου ἐναντιοῦνται, ὁ θεὸς ἐσένα ἔδωκεν νὰ ὀρίσης τὸν κόσμον ὅλον, καὶ σὲ ἔκαμεν αὐτοκράτορα, ὡσάν τὸ βλέπομεν ὅλοι, καὶ δὲν πρέπει τὴν βασιλείαν σου ἴσα μὲ αὐτὸν τὸν βασιλέα νὰ πολεμᾶς, ὅτι ἔχεις πολλοὺς βασιλεῖς, ὅπου σοῦ ὑποτάσσονται, καὶ ὅλη ἡ οἰκουμένη, καὶ ὁ Πῶρος τί εἶναι νὰ σταθῆ κοντά σου.—Филонъ съ искусствомъ переходитъ чрезъ рѣку, а за нимъ переходитъ и Александръ; происходитъ битва, въ которой Поръ разбитъ и обращается въ бѣгство и предаётся плачу, затѣмъ пишетъ письмо къ индiйскимъ начальникамъ и проситъ придти къ нему на помощь. Письмо передается въ одинаковыхъ выраженiяхъ въ славянскомъ и Иверскомъ. Тѣ приходятъ и Александръ, увидя пришедшую помощь, говоритъ Филону: σύρε καταπάτησε τὸ φουσάτον τοῦ Πῶρου; здѣсь продолжается опять Вѣнскiй списокъ. Александръ посылаетъ Филона съ письмомъ къ Пору. Слѣдуетъ самое письмо: Александръ предлагаетъ рѣшить дѣло

единоборствомъ, которое оканчивается смертью Пора. Въ Вѣн. сп. весь этотъ эпизодъ сильно сокращенъ: въ письмѣ Александра нѣтъ предложенія единоборства, но Филонъ передаетъ его устно. Ивер. сп. по обычаю нѣсколько распространеннѣе славянскаго. Далѣе въ Вѣн. пропущенъ весь разговоръ Филона съ Поромъ. Въ Ивер. Филонъ, придя къ Пору, говоритъ ему: Βασιλεῦ Πῶρε, ὁ Ἀλέξανδρος ὁ βασιλεὺς καὶ ἐδικός μου αὐθέντης ὤρισεν, ὅτι νὰ ἀναγνώσῃς τὴν ἐπιστολὴν ἔμπροσθεν εἰς ὄλον τὸ φουσάτον καὶ νὰ με ἀντιγράψῃς ἄλλην ἀπόκρισιν νὰ τὴν ὑπάγω ὀγλήρωρα. Поръ читаетъ письмо передъ войскомъ и уговариваетъ Филона перейти на его сторону; Филонъ отказывается. Похвалы Филона Александру сильно распространены сравнительно съ славянскимъ и даже Флорентійскимъ спискомъ. Такъ въ Ивер. противъ нихъ говоритъ Филонъ: Καὶ ὁ Ἀλέξανδρος δὲν εἶναι παιδί καθὼς ἐσὺ τὸν λέγεις, ἀλλὰ εἶναι νέος τῆ ἡλικία καὶ πρεσβύτερος εἰς τὴν γνῶσιν, φρόνιμος, εὐτακτος καὶ ἀνδρεῖος, διατι ὁ κόσμος ὅλος καὶ ὅλη ἡ οἰκουμένη δὲν ἀξίζουσι διὰ μίαν τρίχαν ἀπὸ τὴν κεφαλὴν του, καὶ εἶναι ἄξιος διὰ βασιλεὺς καὶ αὐτοκράτωρ, καὶ διὰ τὴν τιμὴν καὶ βασιλείαν, ὅπου μοῦ τάξεις, ἂν ἤθελα ἐγὼ ἤθελέν με δώσῃ ὁ Ἀλέξανδρος μεγαλύτερα, ὅτι ὡσὰν τὸν Ἀλέξανδρον τὸν βασιλέα βασιλεὺς δὲν εἶναι, ὅτι ποῖος βασιλεὺς ὡσαὶ τὸν Ἀλέξανδρον νὰ παίρῃ τὰ βασίλεια καὶ νὰ τα δίδει εἰς ἡμᾶς ὅλους. καὶ αὐτὸς νὰ κοπιᾷ διὰ λόγου μας, καὶ βάνει τὸ κεφάλι του διὰ λόγου μας, καὶ ἀτός του μόνον εἶναι βασιλεὺς καὶ αὐθέντης καθὼς τοῦ πρέπει, καὶ ἡμεῖς βασιλεύομεν, καὶ πῶς νὰ μὴν τὸν ἀγαποῦμεν ὅλοι; Филонъ возвращается къ Александру и передаетъ ему, что слышалъ отъ Пора; Александръ вторично посылаетъ его Пору, чего нѣтъ въ славянскомъ, гдѣ рассказъ идетъ естественнѣе. На вопросъ Александра, какъ ему показался Поръ, Филонъ дѣлаетъ характеристику послѣдняго, которая въ Ивер. сп. представлена съ большими непривлекательными чертами. Молитва Александра въ Ивер. почти соотвѣтствуетъ таковой же въ Вѣн.. Поръ погибаетъ, Александръ входитъ εἰς τὴν Ἡλιούπολιν, идетъ описаніе Порова дворца. Здѣсь опять начинается пропускъ Вѣн. списка, отмѣченный А. Н. Веселовскимъ (стр. 60) и восполняемый Иверскимъ спискомъ.

XV. Александръ идетъ къ Амазонкамъ; происходитъ битва δύο ἡμέρες καὶ οὐδὲν ἐφάνη, ὅτι ἐδιάβη φουσάτον καὶ ἐκεῖνο τὸ κάστρον. Противъ славянскаго перевода и Флорентійскаго списка, Ивер. содержитъ въ началѣ одну подробность. Въ славян. говорится, что «о Александре прѣжде слышавше» (Нов. 107, пр. 6) послали къ нему письмо. Въ

Ивер. же разсказываются такого рода событія: Τότε βλέποντας ὁ Ἀλέξανδρος τόσον δυνατὸν κάστρον, ἐγνώρισεν, πῶς δὲν παίρνεται μὲ πόλεμον ἢ μόνον μὲ τίποτε τέχνην. αἱ δὲ γυναῖκες αἱ κατοικοῦσαι μέσα ἔστειλαν μαντάτον εἰς τὴν βασίλισσάν των, πῶς ὁ Ἀλέξανδρος μὲ πολὺ φουσάτον ἦλθεν καὶ πολεμεῖ τὸ κάστρον μας. καὶ ὡς ἤκουσεν ἡ βασίλισσα τὰ συμβάντα, ἔκραξεν τὲς μεγιστάνες τῆς τὲς ἀρχόντισσές τῆς καὶ τὲς συμβουλευτρές τῆς καὶ ἔκαμαν συμβούλιον καὶ μεγάλην σύναξιν, καὶ ἔστειλεν ὀρισμοὺς εἰς πᾶσαν πόλιν καὶ χώραν, ὅπου ὤριζεν εἰς βασίλισσες καὶ εἰς ῥίγισσες τῶν Ἀμαζόνων νὰ συναχθοῦν ὅλες, ὅτι ἦλθεν ὁ Ἀλέξανδρος καὶ πολεμεῖ τὸ κάστρον μας. καὶ ὡς εἶδαν τοὺς ὀρισμοὺς τῆς βασίλισσας, ἐκίνησαν ὅλες μὲ τὰ φουσάτα των καὶ ὡσὰν ἐμαζώχθησαν ὅλες, ἔκαμαν δευτέραν συμβουλήν. ἡ δὲ βουλή τους ἦτον οὕτως· ὅτι τὸν Ἀλέξανδρον νὰ μὴν τὸν ἀντισταθοῦμεν εἰς πόλεμον, ἀλλ' ἄς τοῦ γράφωμεν εἰρηνικὰ γράμματα καὶ δῶρα πολύτιμα νὰ ἰδοῦμεν τὴν βουλήν του. καὶ ὅταν δὲν δεχθῆ τὰ δῶρά μας, τότε θέλομεν κάμη πόλεμον μὲ αὐτόν. После этого амазонки пишутъ письмо къ Александру. Царица амазонская называется Клитέρβη; письмо того же содержания, что и въ славян., только нѣсколько распространеннѣе. Александръ посылаетъ свой отвѣтъ, въ которомъ онъ, противъ славянскаго текста, высказываетъ угрозу: ἐὰν μὲ προσκυνήσετε μὲ ἀγάπην καὶ εἰρήνην, θέλετε ἔχη τὸ βασιλείονσας καὶ τὸν τόπον σας ὡσὰν καὶ τώρα. εἰ δὲ μὴ, στέλνω τὰ φουσάτα μου καὶ θέλω σᾶς κατακόψη μικρὲς τε καὶ μεγάλες. Слѣдуетъ разговоръ Александра съ Птолемеємъ, послѣ чего Александръ идетъ противъ Евримитра, въ Ивер. же слѣдуетъ окончаніе эпизода съ амазонками, чего нѣтъ и въ Флорентійскомъ спискѣ, а именно: Τότε ὁ Ἀλέξανδρος ἐτίμησεν τὲς Ἀμαζόνες μὲ δῶρα πολύτιμα καὶ τοὺς ἔδωσεν καὶ τὸ κοντάρι του ἀντίτυπον του καὶ ἔστειλέν τῆς μὲ τιμὴν μεγάλην εἰς τὸν τόπον τους. καὶ ὅταν ὑπῆγαν εἰς τὴν βασίλισσάν τους, ἔδειξαν τὴν ἐπιστολὴν ὅπου ἔστειλεν ὁ Ἀλέξανδρος. καὶ ὡς τὴν εἶδεν ἡ βασίλισσα, ἐχάρη χαρὰν μεγάλην καὶ κατὰ τὴν ἐπιστολὴν ἐδιάλεξεν λ' χιλιάδες ἀνδρειωμένες γυναῖκες καὶ τὲς ἔστειλεν τοῦ Ἀλεξάνδρου μὲ ἕτερα δῶρα πολλὰ. καὶ ὅταν ἔφθασαν τὸν ἐπροσκύνησαν ὅλες, καὶ ὁ Ἀλέξανδρος ἐθάύμασεν εἰς τὴν τάξιν ὅπου τὲς εἶδεν ὡσὰν καλοὶ στρατιῶται, ἔτζι ἐκαβαλλίκευσαν, καὶ ἡ ἀρμάδα τους ἦτον τόσον ἐπιτήδεια ἀπὸ τὲς ἀρμάδες ὅλες εὐμορφότερη καὶ ὅλες εἰς βαρβάτα ἄλογα ἦτον καβαλλικευμένες. καὶ ὁ Ἀλέξανδρος ἐτίμησέν τῆς μεγάλως καὶ ἔδωκέν τους καὶ τόπον χωριστὰ ἀπ' αὐτοὺς καὶ χωρία νὰ πολεμοῦν καὶ ὅλα τὰ φουσάτα τοῦ Ἀλεξάνδρου ἐθαύμαζαν μὲ αὐτὲς εἰς τὴν ἀρμάδα καὶ ἀνδρείαν των. — Походъ противъ Евримитры. Александръ идетъ

дальше и встрѣчается съ нечистыми народами. Заключение нечистыхъ народовъ Александромъ въ Ивер. рассказано съ нѣкоторыми прикрасами. Славянскій переводъ слѣдуетъ Меѳодію: «и въ тѣ часъ онеи двѣ горѣ състаше се на .vi. лакъть близъ. Алексен'дръ синѣ видѣвъ, прослави Бога, врата же мѣдена и велика сътвори тоу и замаза ихъ асиникитомъ. Асиникиѳъ же ѣсть такова ѣстьства, ни огнь ѣго похватити можеть ни железо. вноутрь же вратъ тѣхъ на .ii. пыприштъ коупиноу насади» (Новак. 109—10). Иверскій списокъ, сказавъ объ асингитѣ, продолжаетъ: *καὶ ὤρισεν καὶ ἐφύτευσαν βᾶτον ἕως ἑνα μίλι καὶ ἐποίησαν πύργον ὑψηλὸν καὶ τὸν ἐποίησαν μὲ τέτοιαν τέχνην, ὅτι ὁποῖος τὸν ἔβλεπεν, ἐθαύμαζεν καὶ ἀποροῦσεν. οἱ δὲ μαστόροι οἱ ποιήσαντες μὲ πολὺν ἐπιδεξιότητα καὶ μὲ μεγάλην σοφίαν, τοὺς ὁποῖους ἐμάζωξεν ὁ Ἀλέξανδρος ἀπὸ ἀνατολὴν καὶ δύσιν, καὶ ἐποίησαν ἐπάνω εἰς τὸν πύργον ἕνα ὄργανον ἀξιοθαύμαστον, καὶ ὅταν τοῦ ἐκτύπα ὁ ἄνεμος, ἐλάλει τότε τόσες γλῶσσαι ὅπου ὁποῖος τὲς ἤκουεν, ἐθαύμαζεν, καὶ ἐκεῖνες αἱ γλῶσσαι ὅπου ἤκουαν ἀπὸ μέσα ἀπὸ τὰ σπήλαια τὴν φωνὴν τοῦ ὄργανου καὶ δὲν ἐτόλμουν νὰ ἔλθουν κοντὰ εἰς τὴν θύραν. Имя воротъ въ Ивер. списокѣ ἀσπήκια=«каскаа», «касписка» славян. перевода. Послѣ перечисленія именъ запертыхъ народовъ прибавляется, что Александръ и всѣ его военачальники удивлялись, какъ Богъ услышалъ моленіе его, и что и до сихъ поръ народы эти находятся тамъ взаперти καὶ τὸ ὄργανον, ὁπότεν τοῦ κτυπᾶ ὁ ἄνεμος, λαλεῖ μὲ λυπημένην φωνήν.*

Эпизодъ съ Кандакіей рассказывается въ послѣдовательности славянскаго перевода. Хожденіе Александра въ пещеру описано такъ: *Καὶ ἐσέβην ὁ Ἀλέξανδρος εἰς τὸ σπήλαιον χωρὶς κανένα φόβον καὶ ἐκεῖ κυττάζοντας εἶδεν πολλὰ παραξενιὰ καὶ κάτι ὡσάν ἀλλιότικα πρόσωπα ἦλθαν καὶ ἐσυναπάντησαν τὸν Ἀλέξανδρον, καὶ ὡς τὸν εἶδαν ἐσκιάχθησαν, καὶ ἔτζι ἐπεριπάτησεν ἄφοβα καὶ ἔβλεπε καὶ ἐθαυμάζετο, καὶ ἐδῶ καὶ ἐκεῖ περιπατῶν ἐδιάβη εἰς ἕνα τόπον καὶ ἤυρεν ἀνθρώπους δεμένους ὀπισθάγκωνα, ἐκεῖ εἶδεν τὸν Ἡράκλειον καὶ τὸν Ἀπόλλωνα καὶ τὸν Κρόνον καὶ τὸν Ἑρμῆν, τοὺς ὁποῖους οἱ Ἕλληνας τοὺς εἶχαν διὰ θεούς. καὶ ὡς τοὺς εἶδεν ὁ Ἀλέξανδρος ἐγνώρισέν τους καὶ ἔλεγεν· δὲν εἶναι αὐτοὶ οἱ θεοὶ τῶν Ἑλλήνων καὶ πῶς τώρα εἶναι ἀλυσοδεμένοι; καὶ ἕνας βασιλεὺς τοῦ εἶπεν· Ἀλέξανδρε βασιλεῦ, αὐτοὶ ὅπου βλέπεις ἦτον ὅλοι βασιλεῖς εἰς τὸν κόσμον, καὶ ἀπὸ τὴν πολλὴν ὑπερηφάνειαν καὶ ἔπαρσιν ὅπου εἶχαν ἐγένοντο θεοὶ ἐπίγειοι, καὶ τὸν θεὸν τοῦ οὐρανοῦ δὲν ἤξευραν, ἀλλὰ τὸν ἠθέτησαν καὶ ὠργίσθην τοὺς ὁ θεὸς καὶ τοὺς ἔφερεν αὐτοῦ ἀλυσοδεμένους εἰς τὰ ἀριστερὰ τοῦ σπηλαίου καὶ κολάζονται αἰωνίως ἕως οὐ νὰ*

πληρωθούν οἱ ὀκτώ αἰῶνες καὶ ἕως οὗ νὰ ἔλθῃ ὁ μέλλων ἀποδοῦναι ἑκάστω κατὰ τὰ ἔργα του. καὶ ὁ Ἀλέξανδρος τὸν εἶπεν· αὐτὰ τὰ ἄνω πρόσωπα τί ζώδια εἶναι; καὶ αὐτὸς τοῦ ἀπεκρίθη· αὐτοὶ εἶναι οἱ ὑπερήφανοι βασιλεῖς οἱ ἀνελεήμονες οἱ ἀδιάκριτοι, ὅπου ἐβασίλευαν εἰς τὸν κόσμον, ἀμὴ δὲν ἐκυβερνοῦσαν καλὰ, ἀλλὰ ἐπορεύονταν καθένας καθὼς ἔλεγεν.

Александръ спрашиваетъ, кто съ нимъ разговариваетъ, и узнаетъ, что—Сесонхосъ. Затѣмъ онъ находитъ Даріа, Пора, который говоритъ ему: ὅλοι οἱ βασιλεῖς ὅπου βασιλεύουν εἰς τὸν κόσμον καὶ ὑψηλοφρονοῦν καὶ ὑπερηφανεύονται ἐδῶ θέλουν καταντήσῃ, καὶ διὰ τοῦτο φυλάγου, Ἀλέξανδρε, νὰ μὴν ἔλθῃς καὶ ἐσὺ αὐτοῦ ἀλυσοδεμένος νὰ κολάζεσαι μὲ ἡμᾶς, ὅτι καὶ ἡμεῖς ἀπὸ τὴν ὑψηλοφροσύνην μας καὶ τὴν ὑπερηφάνειάν μας κολαζόμεσθην ἐδῶ ὅπου βλέπεις. καὶ ἐνθυμήσου, Ἀλέξανδρε, καὶ δὸς τιμὴν τῆς γυναικὸς μου τῆς βασίλισσας τῆς Κλητεμήστρας καὶ φύλαγέ την.

Когда Александръ вышелъ изъ пещеры, то придя къ Кандавлу, «сказа мому в'са гже видѣ и тако оба дивишесе». Въ Ивер. на вопросы Кандавла, что Александръ видѣлъ въ пещерѣ, тотъ отвѣчалъ: ἀδελφὲ Κανταυλούση, δὲν ἤμπορῶ νὰ σοῦ ὁμολογήσω τὰ ὅσα εἰς τὸ σπήλαιον εἶδα, διότι φοβοῦμαι, ἀκούοντάς τα θέλεις φρίξῃ καὶ θέλεις τρομάξῃ, ὅτι ἐμένα κατὰ ἀλήθειαν ἢ τύχῃ τοῦ αὐθέντος μου τοῦ Ἀλεξάνδρου μὲ ἐγλύτωσεν. Кандавлъ съ Александромъ приходитъ къ Кандакіи. Кандакія радостно ихъ принимаетъ и Александра хочетъ имѣть своимъ третьимъ сыномъ; «Алексеи'дръ же в'ставка, рѣчи поклицар'скыѣ глаголати къ нѣи начеть» (Новак. 119). Въмѣсто такого краткаго упоминанія, Ивер. сп. передаетъ самую рѣчь: Μέγας ὁ Ἀλέξανδρος ὁ βασιλεὺς τῶν βασιλέων καὶ τῶν αὐθεντάδων αὐθέντης, ὅλον τὸν κόσμον ἐπῆρα καὶ τώρα ἦλθα καὶ εἰς τὸν τόπον σου διὰ νὰ σὲ ὀρίζω καὶ νὰ μὲ προσκυνήσῃς καὶ νὰ μὲ φιλοδώρησῃς καὶ νὰ μὲ δώσης χαράτζι: ἰβ' χρόνων καὶ φουσάτον καλὸν καὶ διαλεκτὸν χιλιάδας λ'. καὶ νὰ μοῦ ὑποταχθῆς μὲ ὅλον σου τὸ βασίλειον καὶ ἐπὶ ταυτοῦ στέλνω τὸν Ἀντίοχον τὸν βοεβόδαν μου καὶ νὰ τοῦ δώσης ὅσα προστάξω. εἰ δὲ καὶ δὲν ἀκούσῃς τὸν ὀρισμὸν μου, θέλω ἔλθῃ μὲ ὅλα μου τὰ φουσάτα καὶ θέλω ρημάξῃ τὸν τόπον σου καὶ τὸ βασίλειόν σου θέλω δουλώσῃ καὶ συμπάθειαν ἀπὸ ἐμένα δὲν θέλεις ἔχῃ. Дальнѣйшій рассказъ идетъ въ порядкѣ славянскаго текста. Возвратившись отъ Кандакіи, Александръ дѣлитъ всю землю между своими сподвижниками.

XVI. Въ снѣ Александру является пророкъ Іеремія и предвѣщаетъ ему близкую смерть. Ивер. сп. короче славянскаго перевода, съ которымъ ближе сходится сп. Флорентійскій. Сокращеніе нахо-

дится въ второй части провѣщанія, въ описаніи воскресенія мертвыхъ и будущей жизни. Въ Ивер. о всемъ этомъ сказано въ слѣдующихъ выраженіяхъ: ἡ δὲ ψυχὴ σου θέλει γένη μακαριστὴ καὶ θέλεις ὑπάγῃ εἰς τόπον καλόν καὶ εἰς τὸ τέλος τοῦ αἰῶνος, τῆς δευτέρας παρουσίας τοῦ Κυρίου, θέλει ἐνωθῆ ἡ ψυχὴ σου μετὰ τὸ κορμὶ ἀντάμα καὶ θέλουν γνωρισθῆ ἕνας ἀπὸ ἄλλον, ὡσάν δύο σύντροφοι ὁποῦ κάμουν πολὺν καιρὸν, εἶτα νὰ χωρίσουν καὶ νὰ ὑπάγῃ ὁ καθεὶς ἐν ἑνα μέρος, ἔπειτα νὰ ἀνταμωθοῦν καὶ νὰ γνωρίσουν ἕνας τὸν ἄλλον· οὕτως γίνεται καὶ τότε θέλουν μαζωχθῆ τὰ κόκκαλα τῶν ἀνθρώπων καὶ αἱ ψυχαὶ νὰ γένουν πάλιν καθὼς ἦτον, καὶ ἐκείνην τὴν ἡμέραν θέλεις γνωρίσῃ ὅσους ἀνθρώπους εἶδες μετὰ τὰ ὀμμάτιά σου, βασιλεῖς, ἄρχοντας, μικροὺς τε καὶ μεγάλους. καὶ ἐκεῖνοι πάλιν θέλουν γνωρίσῃ ἐσένα. Проснувшись, Александръ «сѣде плакашесе». Въ Ивер. сп. приводится утѣшеніе, которое Александръ высказалъ самъ себѣ: онъ выражаетъ покорность провидѣнію: μεγάλη εἶναι ἡ ἐλεημοσύνη τοῦ θεοῦ, ὁποῦ ἐποίησε τὸν οὐρανὸν καὶ τὴν γῆν, καὶ ὡς θέλει ἄς γένη καὶ εἰς ἐμένα τὸ θέλημά του. Онъ удаляетъ царицу въ Вавилонъ, а самъ все время продолжаетъ думать о смерти и горевать; и не хочетъ ни пить ни ѣсть. Этыхъ подробностей нѣтъ въ славянскомъ. Но далѣе Ивер. текстъ содержитъ пропускъ: пропущено увѣщаніе Филона и Птолемея оставить скорбь (Новак. 128—131) до совѣщанія вельможъ Александровыхъ на полѣ Сенааръ. Этотъ пропускъ едва ли случайный; скорѣе его не было и въ первоначальномъ оригиналѣ; непосредственный же оригиналъ славянскаго перевода, несомнѣнно, представляетъ позднѣйшее добавленіе. Приходитъ Аристотель, и Александръ рассказываетъ ему о своихъ подвигахъ. Александръ пишетъ письмо Олимпіадѣ. Послѣ этого садится на тронъ, и начинаются т. наз. λόγοι Ἀλεξάνδρου. Ивер. сп. въ общемъ соотвѣтствуетъ славянскому. Весь текстъ слѣдующій: Τὴν αὐτὴν ἡμέραν ἔκλεψαν ἕναν μαστραπᾶν τοῦ Ἀλεξάνδρου καὶ ὡς τὸ ἔμαθεν ὁ Ἀλέξανδρος, εἶπεν· ὅποιος ἔκλεψεν τὸν μαστραπᾶν, ὁποῦ ὑπάγει ὅποιος τὸν ἰδῆ. ὅλοι θέλουν λέγῃ, ὅτι τοῦ Ἀλεξάνδρου εἶναι ὁ μαστραπᾶς καὶ ὄχι αὐτουνοῦ. καὶ ὁ Ἀριστοτέλης εἶπεν τὸν Ἀλέξανδρον· κραταιώτατε βασιλεῦ, πῶς ἐποίησες τέτοιες δουλειές ὁποῦ ἄλλοι βασιλεῖς δὲν ἐποίησαν; καὶ ἀποκριθεὶς ὁ Ἀλέξανδρος εἶπε πρὸς τὸν διδάσκαλον τὸν Ἀριστοτέλην· τρεῖς νομάτοι εἰσὶν οἱ βοηθοί μου εἰς ταῦτα ὅσα ἐποίησα. καὶ ὁ Ἀριστοτέλης· ποῖοί εἰσιν οἱ τοιοῦτοι; καὶ ὁ Ἀλέξανδρος· τὸ πρῶτον τὸ χέρι μου ὁποῦ δὲν ἐλυπούμην ποτὲ νὰ δωρίζω, τὸ δεύτερον ὁ ὄρκος μου ποῦ εἶναι ἀληθινός, καὶ τρίτον ἡ δικαιοχρισία. ἔπειτα τὸν ἐρώτησεν, πῶς ἐπέταξε τοὺς βασιλεῖς καὶ τοὺς ἐπολέ-

μησε και πάντα ὅσα εἶδε και ἔκαμε. και ὁ Ἀριστοτέλης εἶπεν· ποῦ ἔχεις, βασιλεῦ, τὸν βίον σου και μάλαμα ὅπου ἐπῆρες ἀπὸ τόσους βασιλεῖς; και ὁ Ἀλέξανδρος ἐγύρισε πρὸς τὸ φουσατόν του και λέγει τοῦ Ἀριστοτέλους· τοῦτοι ὅπου βλέπεις, αὐτοὶ εἶναι ὁ βίος μου και τὸ μάλαμά μου. και ὁ Ἀριστοτέλης εἶπεν· Ἀλέξανδρε, νὰ μᾶς ἀφήσης υἱὸν νὰ εἶναι εἰς τὸ ὄνομά σου. και ὁ Ἀλέξανδρος εἶπεν· ἐγὼ εἰς Μακεδονίαν υἱὸν δὲν ἀφίνω, ἀλλὰ ἀφίνω μεγάλην δόξαν και τιμὴν ὅπου νὰ ἐνθυμοῦνται χρόνους πολλοὺς. τότε ἀποκριθεὶς ἕνας ἄρχοντας εἶπεν· βασιλεῦ Ἀλέξανδρε, καλὸν εἶναι νὰ ρίξης εἰς τοὺς βασιλεῖς πολλὰ δωσῆματα και νὰ τοὺς λογαριάζης νὰ ἡξέυρης τὰ τίποτέ σου. ὁ Ἀλέξανδρος εἶπεν· ὁ Κροίσης ὁ βασιλεὺς Λυδίας τίποτες καλὸν δὲν ἔκαμε, οὔτε τιμὴν οὔτε ἄλλο τινά, ἀμὴ τὸ χρυσίον και τὸν βίον ὅπου ἐμάζωνεν δὲν τὸν ἐκέρδισεν, ἀλλὰ τὸν ἐπῆραν ἄλλοι. λοιπὸν ἐκεῖ εἰς τὴν χαρὰν εἶδεν ὁ Ἀλέξανδρος ἕνα μεγιστάνον Πέρσην γέροντα και ἔβαφεν τὰ γένειά του πάντοτε μαῦρα διὰ νὰ φαίνεται νέος και εἶπεν του ὁ Ἀλέξανδρος· ὦ ἡγαπημένε μου μελικράσορε, ἐὰν ἡ βαφὴ αὐτὴ δίδει τίποτες δύναμιν ἢ ἄλλην ὠφέλειαν, καλὴ εἶναι, εἰ δὲ και βᾶφη μόνον τὰ γένειά σου ὡς νὰ φαίνεσαι νέος, και δύναμιν δὲν σε δίδει, οὐδὲν σε ὄφελος ἀπὸ τὴν βαφήν. και ὡς ἤκουσεν ὁ ἄρχων ἐγέλασεν και ἐντροπιάσθη πολλά. και τὴν ἡμέραν ἐκείνην ἤφερον πολλοὺς κλέπτας, πλῆθος ἄπειρον, και εἶπᾶν του· βασιλεῦ, αὐτοὶ εἶναι κλέπται και ἄτυχοι ἄνθρωποι, και ὄρισε ἡ βασιλεία σου νὰ τοὺς κρεμάσουν. και ἀποκριθεὶς ὁ βασιλεὺς εἶπεν· ἀφοῦ εἶδαν τὸ πρόσωπόν μου, δὲν φοβοῦνται νὰ χαθοῦν, ὅτι τῶν κριτάδων εἶναι ἴδιον νὰ ἀποφασίζουσιν νὰ χαθοῦν ἄνθρώπους, και τῶν βασιλέων εἶναι ἴδιον νὰ συμπαθοῦν. και ὦρισέν τους νὰ εἶναι ἐδικοὶ του κυνηγοί, και ἄφησέν τους νὰ ὑπάγουν εἰς τὸν τόπον τους. εἶτα ἤφερον ἕνα ἄνθρωπον ἀπὸ τὴν Ἰνδίαν και ἔλεγον, ὅτι εἶναι τοξότης τέτοιος, ὅτι ἀπὸ τὸ δακτυλίδι ρίγνει τὴν σαίτταν, και ἐπρόσταξεν ὁ Ἀλέξανδρος νὰ τοξεύσῃ εἰς τὸ σημάδι, και αὐτὸς δὲν ἤθελεν, και τότε μικροὶ και μεγάλοι τὸν ὠνείδισαν, μεγιστάνοι και ἄρχοντες, ἴσως τὸν κάμουν και τοξεύσῃ, και αὐτὸς δὲν τοὺς ἤκουεν. και ὡς εἶδεν ὁ Ἀλέξανδρος τὸ ἀμετάθετον, ὦρισεν νὰ τὸν ἀποκεφαλίσουν. οἱ δὲ στρατιῶται εἶπᾶν του· ὦ ἄνθρωπε, διὰ τί νὰ χάσης τὸ κεφάλι σου και διὰ τί μὴν ρίξης μίαν δοξαρίαν; και αὐτὸς ἀπεκρίθη· ἔχω τώρα ἡ ἡμέρας ὅπου δὲν ἐπίασα δοξάρι ἢ σαίττα εἰς τὸ χέρι μου, και διὰ τοῦτο φοβοῦμαι, μήπως και ἀστοχῆσω ἔμπροσθεν εἰς τὸν βασιλέα και χάσω τὸ ὄνομά μου. και αὐτοὶ ὡς ἤκουσαν ἔτζι εἶπᾶν το τοῦ Ἀλεξάνδρου τοῦ βασιλέως, και αὐτὸς ὦρισεν και τὸν ἄφησαν, και ἔδωσέν του δῶρα, και τὸν ἔστειλεν εἰς τὸν τόπον του ἀδωροκῆτως. και ὑπάγει ἕνας στρατιώτης και λέγει του· πανυψηλότατε βασιλεῦ, ἔχω θυγατέρα μονογενῆ και παρακαλῶ τὴν βασι-

λείαν σου, δός μου τίποτες νά τήν ύπανδρεύσω, ὅτι εἶμαι πολλά πτωχός. καί ὠρίσεν καί ἔδωκάν του χίλια τάλαντα. καί αὐτός εἶπεν· πολλά μου εἶναι, βασιλεῦ Ἀλέξανδρε. ὁ δὲ Ἀλέξανδρος εἶπεν· τῶν βασιλέων τὰ δῶρα πολλά θέλουν νά εἶναι, ὅτι καί αὐτοὶ πολλά τὰ παίρνουν. — Послѣ этого Александръ одаряетъ Аристотеля и посылаетъ его въ Македонію къ матери своей привести ее въ Египетъ: такъ въ Ивер. и славянскомъ. Приходитъ одинъ человекъ и объявляетъ о находкѣ сокровища на берегу Тигра. Олимпиада приходитъ къ Александру, и въ честь ея устраиваются пиры и игры.

XVII. Съ разказа объ отравленіи Александра возобновляется чтеніе Вѣнскаго списка, но пересказъ гораздо короче славянскаго перевода. Нѣтъ письма Минерви къ своимъ сыновьямъ и замыселъ уморить Александра приписывается Вринеушу за то, что Александръ не далъ ему Македоніи для управленія. Ивер. сп. сходится съ славянскимъ. У Александра было два близкихъ ему воина, которые давно уже не были въ Македоніи и не видали своей матери. Мать же, съ своей стороны, соскучившись по сыновьямъ, желала ихъ видѣть, но Александръ не отпускалъ. Тогда мать ихъ, названная въ Ивер. сп. Μεγερά, въ Флорент.—Μέγεβρα = слав. Минерва, пишетъ сыновьямъ письмо, вызывая ихъ къ себѣ, καί ἐάν δέν σας ἀφίνει ὁ Ἀλέξανδρος, αὐτὸ τὸ γλύκυσμα, ὁποῦ σᾶς στέλνω, δότε του νά τὸ φάγη καί τήν ὠραν ταύτην θέλει σᾶς ἀφήση νά ἔλθετε. Братья, получивъ письмо, порицали сильно свою мать, но Вринеушъ спряталъ питье. Вскорѣ Вринеушъ сталъ просить себѣ Македонію, что уже дѣлалъ неоднократно, но получилъ отказъ. Вѣн. текстъ передаетъ кратко: καί ὁ Βρυονούσης. .: ἔβανεν κατὰ νοῦ του δόλον μέγαν εἰς τήν καρδίαν του· τοιούτως ἔλεγεν· ὅτι τόμου θέλει ἀποθάνη ὁ Ἀλέξανδρος, ἐγὼ θέλω γένη τοῦ κόσμου ὀλουνοῦ αὐτοκράτωρ βασιλέας. καί οὕτως ὤρθωσεν καί ἀνήλωσεν τὸ φαρμάκι εἰς τήν κοῦπα καί ἐχέρασεν τὸν Ἀλέξανδρον (Весел. изд. 61). Въ слав. и Ивер. братъ Левкадушъ уговариваетъ Вринеуша оставить свой замыселъ: ὦ ἄνθρωπε, φοβήσου τὸν θεόν καί μὴν πράξης τοιοῦτον κακὸν ἔργον, καί μὴν θελήσης νά χάσης τοιοῦτον φοβερόν ἄνθρωπον, ὁποῦ ἀπὸ τὸν φόβον του ἐτρέννευσαν (?) τὰ βασιλεία ὅλα, καί ὁ κόσμος ὅλος ἐκαταστάθη. καί ἐάν ἐσύ τὸν χάσης, διὰ τὸν θάνατόν του θέλει ἀνακατωθῆ ὁ κόσμος ὅλος καί ἡμεῖς θέλομεν χάση τήν ζωὴν μας καί ἐσύ κᾶν τίποτες δὲν κερδαίνης. Нѣскольکو въ иныхъ выраженіяхъ уговариваетъ Левкадушъ въ славянскомъ: «боисе Бога, о чловѣче, не оубиваи моужа дивна и чюднаго, кгоже Іеллини подивиле се моудрости, кго же храбрости почоудише

се Персене, коже потресе се подслъньчнаа земля восточная и западнаа, южнаа и севернаа, коже оубоаше се в си поморсциі отоци» (Новак. 142). Левкадушъ хотѣлъ было рассказать Птоломею, но раздумалъ. Слѣдуетъ воспоминаніе о лицахъ, погибшихъ чрезъ женщинъ. Къ Соломону, Самсону, Іосифу прибавляется: ὁ προφήτης Ἐλίας ἀπὸ πονηρὰν γυναῖκα ἐφευγε, ὁ τίμιος Πρόδρομος καὶ Βαπτιστῆς τοῦ Κυρίου ἀπὸ πονηρὰν γυναῖκα ἐχαρτομήθη. Александръ устраиваетъ пиръ для своихъ вельможъ; на пиру Вринеушъ разбилъ чашу и былъ за это наказанъ Александромъ, и возгорѣлся еще большимъ желаніемъ погубить Александра. Изъ Іерусалима приносятъ извѣстіе о смерти пророка Іереміи. Изъ Александріи приходятъ люди и говорятъ, что въ ней нельзя жить отъ множества ядовитыхъ змѣй. Александръ приказываетъ перенести туда кости Іереміи. Приходитъ одна женщина съ жалобой на своего мужа, но Александръ говоритъ: πᾶς ἄνθρωπος εἶναι κεφαλὴ τῆς γυναικὸς καὶ αὐτὸς τὴν ὀρίζει καὶ ὅτι θέλει τὴν κάμνει. ἐμένα δὲν μὲ ἐδόθη νὰ κρίνω τῶν ἀνδρῶν τὰς γυναῖκας; конецъ этого эпизода въ Ивер. отличается отъ славянскаго: въ послѣднемъ — «и се рекъ Алексендръ кзика ки оурезати повеле», въ Ивер. — καὶ ἔτζι τοὺς ἐπαραίνεσε καὶ εἰρήνευσέ τους μὲ τὸν ἄνδρα της καὶ ἐφιλοδώρησέ τους καὶ ἐγύρισαν εἰς τὸ σπῆτί τους εἰρηνικοί. Эпизода съ Дарданушомъ нѣтъ, а рѣчь переходитъ къ просьбѣ Вринеуша дать ему Македонію. Александръ отказывается; тогда Вринеушъ «такъ кдъ растворивъ Алексендру даде» (Новак. 145), въ Ивер. же списокѣ — καὶ ἔτζι ἐφύλαγε τῇ ἡμέρᾳ νὰ τὸν φαρμακεύση. καὶ μίαν ἡμέραν τρώγοντας καὶ πίνοντας ὁ Ἀλέξανδρος μὲ τοὺς βασιλεῖς καὶ μεγιστάνους, καὶ ὄλοι ἔχαιρον μικροί τε καὶ μεγάλοι. τότε ὁ Βρυονούσης ὡς εἶχεν τὸν διάβολον μέσα του, ἀνέλυσε τὸ φαρμάκι καὶ τὸ ἔβαλεν εἰς τὴν κούπαν μὲ κρασί καὶ ἔδωσε τὸν Ἀλέξανδρον. καὶ αὐτὸς ἐπῆρε τὴν κούπα καὶ ἐχαιρέτησε ὄλους τοὺς βασιλεῖς καὶ τοὺς ἄρχοντας καὶ τότες ἔπιεν τὸ κρασί τὸ φαρμακευμένον. Филиппъ врачъ даетъ Александру лѣкарство, Левкадушъ кончаетъ жизнь самоубійствомъ. Александръ спрашиваетъ Филиппа, можетъ ли онъ его вылѣчить, тотъ говоритъ, что можетъ продлить его жизнь на три дня. Александръ произноситъ жалобу на непрочность земного счастья. Жалоба эта въ Вѣн. сп. представлена только въ двухъ-трехъ предложеніяхъ, тогда такъ въ славянскомъ и Иверск. она подробнѣе: ὦ ψεύτικὴ μου δόξα καὶ τιμὴ πρόσκαιρος, ὀλίγον καιρὸν ὑψώνεις τὸν ἄνθρωπον καὶ πάλιν μίαν ὥραν τὸν ταπεινώσεις. λοιπὸν δὲν εἶναι χαμμία χαρὰ εἰς

τὸν κόσμον, ἐὰν δὲν σμίξῃ ἢ θλίψις. καὶ δὲν εἶναι εἰς τὴν γῆν καμμία δόξα νὰ μὴν ἔχῃ καὶ ἀτιμίαν.

ὦ οὐρανὲ καὶ ἥλιε, ἄστρον καὶ σελήνη,
 βουνὰ καὶ κάμποι καὶ γῆ, εἰς τὸ κακὸν ποῦ ἐγένη[κεν]
 σήμερον ἐμένα κλαύσατε, ποῦ ἐφάνηκα εἰς τὸν κόσμον
 καὶ πάλιν σεβαίνω εἰς τὴν γῆν, θέλων μὴ θέλων ἀτός μου.
 ὦ γῆ, μητέρα μου ὀγλήγωρα, ποῦ μὲ παίρνεις,
 πλέον ἐὰν καὶ μὲ ἀγαπᾷς ὀπίσω δὲν μὲ φέρνεις.
 ὦ τύχη μου βαρυνὴ δόξα καὶ φαντασία,
 τίποτες δὲν ἐφάνησαν διὰ καμμίαν αἰτίαν,
 εἰς τὴν ἀρχὴν μὲ ὑψώσατε εἰς ἀέρα φωτεινόν
 καὶ τώρα μὲ ἐχαμηλώσατε εἰς τὸν τάφον τὸν σκοτεινόν¹⁾.—

Воины высказывают свое горе. Иверскій списокъ рисуеъ большую поэтическую картину сѣтованія воиновъ и утѣшенія ихъ Александромъ, чего не знаетъ славянскій переводъ, оригиналь котораго въ данномъ случаѣ, очевидно, потерпѣлъ сокращеніе, подобно Вѣнскому списку: то, что рассказываетъ Иверскій сп., читается и у Псевдокаллисфена, только въ болѣе краткомъ видѣ. Когда воины узнали, что Александръ умираетъ, то напалъ на нихъ такой сильный страхъ, какой не нападалъ ни въ одной битвѣ; τότε ἐμαζώχθησαν τὰ φουσάτα καὶ ἐπῆγαν πρὸς τὴν τένταν τὴν βασιλικὴν ὅλοι ἀρματωμένοι καὶ ἐβόουν μεγαλοφώνως· δότε μας τόπον νὰ ἰδοῦμεν τὸν αὐθέντην μας, δότε μας τόπον νὰ ἰδοῦμεν τὸν βασιλέα μας καὶ βασιλέα τῶν βασιλέων... Своимъ крикомъ они производили сильный шумъ. Собрались ихъ начальники и стали уговаривать прекратить крикъ, но не могли ничего сдѣлать. Тогда Филонъ говоритъ Александру: ὦ ὑψηλότατε καὶ φοβερώτατε ὄλου τοῦ κόσμου, βασιλεῦ Ἀλέξανδρε, τὰ φουσάτα σου στέκουν ἔξω ἀρματωμένοι καὶ ζητοῦν νὰ ἰδοῦν τὴν βασιλείαν σου ὅλοι μικροί τε καὶ μεγάλοι καὶ δὲν ἡσυχάζουν, ἀλλὰ θέλουν νὰ ἤξеспαθώσουν καὶ κανεῖς νὰ μὴν ἀπομείνη ζωντανός... Услышавъ это, Александръ приказалъ вынести его кровать на поле и его посадить на нее. Когда воины увидѣли, то ἄρχησαν νὰ κλαίουν μεγαλοφώνως καὶ ἔγινε ταραχὴ μεγάλη, Александръ говоритъ имъ: ὦ ἀνδρειωμένοι πρωτοκαβαλλαραιὸί μου καὶ στρατιῶται, παρακαλῶ, μὴν συγχύζεσθε τίποτες, ὅτι ἐμένα μὲ ἐκυρίευσεν ὁ θάνατος, καὶ μέλω νὰ χαθῶ, μόνον σᾶς παρακαλῶ νὰ μὲ ἐνθυμεῖσθε πάντοτε εἰς τὴν

1) Указаніе и раздѣленіе на стихи сдѣлано мнѣ С. Д. Пападимитріу.

ἀγάπην ὅπου σᾶς εἶχα. Воины говорятъ ему, что они готовы отдать свою жизнь за него и, если явится смерть, то они всѣ готовы сражаться съ ней и пасть отъ руки ея, ἀμὴ ἐπειδὴ τὸ πρᾶγμα εἶναι ἀδύνατον καὶ ἀμετάθετον, σύρε εἰς τὸν ἡτοιμασμένον σου τόπον, ὅπου σοῦ ἡτοίμασεν κύριος ὁ θεὸς Σαβαώθ. — Въ славянскомъ воспроизведены только послѣднія слова воиновъ, да и тѣ съ видоизмѣненіемъ; воины говорятъ Александру: «аште бы возможно съмръти откоупити те днесъ, животъ нашъ вси дали бисмо за тебе, но намъ невозмож'но ксть, богу едномуу въз'мож'но. нъ ты на земли добрѣ пожилъ еси, и съмръть твоѧ поч'тена ксть. Бол'ша ксть нег'ли иномуоу животъ. Походи оубо, Алексен'дре, походи на оуготован'нок тебѣ отъ бога мѣсто, на зем'ли до добрѣ царствоваль еси, и тамо раѧ наслѣдити имати» (Новак. 147). Александръ дѣлаеть предсмертное завѣщаніе. Дучипаль разрываетъ Вринеуша, въ Ивер. эта сцена изображена пространнѣе славян. перевода. Умирая, Александръ говоритъ: καὶ νὰ γράψετε τὲς ἀνδραγαθίᾶς καὶ πολέμους ὅπου ἐκάμαμεν διὰ νὰ τὰ εὔρουν οἱ μεταγενέστεροι. Противъ другихъ текстовъ въ Ивер. присоединяется смерть Бупефала послѣ смерти Александра: τὸ δὲ ἄλογον τοῦ Ἀλεξάνδρου ὁ Βουκέφαλος ἐνόησε τὸ ταλαίπωρον ὡς ἄνθρωπος καὶ ἐχρεμέτιζεν μεγαλοφώνως καὶ ἔσκαπτε τὴν γῆν μὲ τὰ ποδάρια του καὶ ἔκαμνε καὶ ἄλλα σχήματα ἐφανέρωσε, πῶς ἔκλαιε τὸν αὐθέντην του, καὶ ὡσάν ἔσκαψεν ὅσον νὰ χάσῃ τὸ κορμί του, ἔπειτα ἀνέβη εἰς ὑψηλὸν τόπον καὶ ἔρριξε τοῦ λόγου του μὲ δύναμιν καὶ ἔσκασεν ἐκεῖ μέσα ὅπου ἔσκαψε διὰ νὰ μὴν ἀπομείνη ἔρημον χωρὶς τὸν αὐθέντην του. Тѣло Александра увозятъ въ Александрію. Олимпіада и остальные царицы оплакивають его. Роксандра плачетъ надъ тѣломъ Александра; въ Ивер. плачь передается въ болѣе подробномъ изложеніи чѣмъ въ Вѣн. и славянскомъ. Услышавши ея плачь, μικροῖτε καὶ μεγάλοι μὲ πολὺ πένθος ἐδρήνουν καὶ ἐβόουν καὶ ἔλεγαν· ὦ ὑψηλότατε βασιλεῦ, νὰ ἰδῆς τί εἶναι αὐτὸ ὅπου μᾶς ἔκαμες; σήκω, βασιλεῦ Ἀλέξανδρε, νὰ ἰδῆς τὰ φουσάτα μὲ μεγάλα δάκρυα. Роксандра кончаетъ свою жизнь самоубійствомъ; καὶ ὡσάν ἐσέβησαν καὶ ἠύραν τὴν βασιλίσσαν σφαγμένην ἄρχησαν δεύτερον θρηῖνον καὶ κλαυθμὸν καὶ ὅλοι ἐφριζαν. Птоломей и Филонъ ставятъ два склепа и кладутъ въ нихъ тѣло Александра и Роксанды. Оканчивается повѣсть такимъ размышленіемъ: τοιοῦτος ἦτον ὁ θάνατος καὶ αἱ ἀνδραγαθίαι τοῦ βασιλέως Ἀλεξάνδρου. αὐτὸν ἄς ἰδοῦμεν καὶ ἡμεῖς, ὦ ἄνθρωποι, καὶ ἄς ταπεινώσωμεν τοῦ λόγου μας, αὐτὸν τὸν αὐτοκράτορα τοῦ κόσμου, ὅπου ἐκυρίευσεν ὅλην τὴν οἰκουμένην καὶ ὕστερα τρεῖς πῆχες τῆς γῆς τὸν ἐχώρησε, καὶ

ἔγινεν ἡ μεγάλη του δόξα ὡς ἀράχνη καὶ σκόνη ἀφανής. ἐφάνη εἰς τὸν κόσμον ὡς λουλούδι καὶ εἰς μίαν ὥραν ἐμαράνθη (καὶ) ἀφανίσθη, εἰς τὴν ὥραν ἀναψεν τὸ κηρί καὶ εἰς τὴν ὥραν ἔσβυσεν.

Я разсмотрѣлъ содержаніе Иверскаго списка повѣсти и указаль на его отношеніе какъ къ славянскому переводу, такъ и къ другимъ извѣстнымъ теперь греческимъ спискамъ. Особенной распространенностью среднегреческая Александрія, очевидно, не пользовалась сравнительно съ редакціями Псевдокаллисфена, списки которыхъ доходятъ числомъ до двадцати. Иная судьба среднегреческой Александріи была у славянъ и у русскихъ въ частности. Въ свое время я указываль, что новая, сербская Александрія вытѣснила собой старую, Псевдокаллисфеновскую Александрію и распространилась въ множествѣ списковъ. Главное количество списковъ сербской Александріи падаетъ на долю русской литературы, но и на славянскомъ югѣ она находила читателей. Исторія ея у славянъ и у русскихъ еще не разработана, и было бы очень важно опредѣлить, отъ одного ли перевода пошли всѣ многочисленные списки повѣсти, или она переводилась нѣсколько разъ, что само по себѣ вполне возможно. Насколько намъ теперь извѣстно содержаніе нѣкоторыхъ славянскихъ списковъ сербской Александріи, — напечатанныхъ и ненапечатанныхъ — они представляютъ, повидимому, одно и то же содержаніе, расходясь въ нѣкоторыхъ частностяхъ, которыя легко могутъ объясняться обычными пропусками и дополненіями писцовъ. Но мы замѣчаемъ между ними очень часто рѣзкое различіе въ способѣ изложенія, такъ что, если бы тексты относились къ болѣе старому времени, было бы много основаній видѣть въ нихъ различные переводы съ одного оригинала. Если же переводъ былъ одинъ, то необходимо прослѣдить видоизмѣненіе текста какъ по отношенію къ изложенію, такъ и по отношенію содержанія. То и другое — дѣло будущаго. Но Иверскій списокъ даетъ возможность правильнѣе смотрѣть и на славянскій переводъ, который въ настоящемъ случаѣ представленъ спискомъ, изданнымъ въ Гласникѣ г. Новаковичемъ. Сопоставляя славянскій переводъ съ извѣстными намъ греческими текстами, можно видѣть, что буквального сходства, какъ привыкли это имѣть въ области славяно-русскихъ переводовъ, не наблюдается. Отличался ли особенной фразеологіей оригиналъ перевода, или переводчикъ относился къ своему оригиналу свободно? Къ сожалѣнію, здѣсь могутъ быть одни только соображенія. Среди славянскихъ переводовъ мы встрѣчаемъ и такіе, которые по завѣту Іоанна Екзарха

передаютъ содержаніе, не гоняясь за буквой, и такіе, которые рабски слѣдуютъ своему оригиналу, и такое двойное отношеніе къ оригиналамъ встрѣчается какъ въ болѣе древнее, такъ и въ болѣе новое время. Правда, что въ болѣе позднее время, повидимому, преобладаетъ буквальный переводъ, даже въ ущербъ смыслу, и съ этой стороны мы могли бы считать въ такомъ родѣ и переводъ Александріи: но затрудненіе является въ томъ, что рассматриваемое произведеніе принадлежитъ къ чисто свѣтской литературѣ, требовавшей, конечно, особаго способа перевода, нежели какого требовала литература церковная, съ которой обращаться было дѣло привычное. Но у насъ очень мало памятниковъ повѣствовательной литературы, которые могли бы быть свѣрены съ оригиналами: ни Троянская Притча ни Сказаніе объ Индійскомъ царствѣ не находятъ пока своихъ прототиповъ. Въ всякомъ случаѣ, если что и можно относить на долю переводчиковъ, то только перефразировку греческаго текста, а никакъ не внесеніе новаго содержанія, хотя бы и незначительнаго, такъ какъ славянскіе переводчики къ этому были непривычны. Всякое внесеніе новаго содержанія должно относить къ оригиналу, а аналогія другихъ греческихъ списковъ даетъ основаніе думать, что и въ массѣ другихъ случаевъ, гдѣ по изложенію славянскій переводъ расходится съ извѣстными намъ греческими текстами, эту особенность также можно приписывать греческому оригиналу. Было совершенно правильно замѣчено, что византиецъ къ текстамъ свѣтскаго содержанія относился совершенно свободно и безъ зазрѣнія совѣсти видоизмѣнялъ то, что переписывалъ. И это наблюдается даже въ стихотвореніяхъ, гдѣ самая форма, казалось бы, должна была сдерживать отъ проявленія свободы. Съ прозаическимъ же памятникомъ византиецъ уже совершенно не церемонился: онъ какъ будто своими словами пересказывалъ прочитанное. Такое же впечатлѣніе получается при сравненіи Вѣнскаго, Иверскаго, и Флорентійскаго списковъ рассматриваемой Александріи, но особенно— послѣднихъ двухъ между собой. Иверскій и Флорентійскій списки представляютъ намъ одну редакцію, отличаясь другъ отъ друга лишь незначительными особенностями, но если бы мы вздумали подвести варианты изъ одного списка къ другому, то оказались бы въ полнѣйшей невозможности сдѣлать это. Въ виду этого, можно думать, что и оригиналъ славянскаго перевода представлялъ такое же свободное изложеніе стараго матеріала.

Вѣнскій списокъ, какъ уже указано, изобилуетъ пропусками. Сдѣ-

ланы ли они были переписчикомъ самаго списка, или послѣдній нашелъ ихъ уже въ своемъ непосредственномъ оригиналѣ, — безразлично: въ всякомъ случаѣ этотъ текстъ представляетъ собой особую сокращенную редакцію. Что это сокращеніе не есть случайное, должно заключать изъ того, что тенденція къ сокращенію текста проходитъ чрезъ всю исторію, а то, что уцѣлѣло, въ большинствѣ случаевъ, какъ видѣли, передается въ сильномъ сокращеніи. Списки Иверскій и Флорентійскій представляютъ полную редакцію, а въ срединѣ между той и другой стоитъ оригиналъ славянскаго перевода и та редакція, которую А. Н. Веселовскій называетъ греческой народной книгой. Въ виду того, что въ полной редакціи явно наблюдается стремленіе къ расширенію содержанія, нужно заключать, что къ первоначальному оригиналу ближе другихъ стоятъ — оригиналъ славянскаго перевода и греческая народная книга.

В. Истринь.